

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Адвокат Казановы

Адвокатский детектив

Наталья Борохова
Адвокат Казановы

«ЭКСМО»

Борохова Н. Е.

Адвокат Казановы / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
— (Адвокатский детектив)

Ничто не предвещало неожиданностей в деле, доставшемся молодому адвокату Елизавете Дубровской. Все указывало на то, что известную бизнес-леди Ингу Сереброву убил молодой муж Дмитрий, ее бывший тренер по фитнесу. Елизавета пыталась отыскать новые улики, когда случилось непредвиденное: Дмитрий бежал из-под стражи, и в тот же день погибла маникюрша Серебровой, выступившая против него в суде. Казалось бы, все понятно – убийца избавился от свидетельницы. Но по некоторым мелким деталям Лиза начала догадываться: кто-то пытается обвинить ее подзащитного в преступлениях, которые он не совершал...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	38
Глава 9	45
Глава 10	47
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталья Борохова

Адвокат Казановы

Глава 1

Ветер понемногу крепчал и к полуночи разгулялся вовсю. Деревья в парке, отражая напор стихии, гнулись и протяжно стонали, как будто выпрашивая пощады у кого-то невидимого, но могущественного. Сосновые шишки вперемешку с листвой и хвоей весело неслись по дорожкам, вовлекая в бешеную карусель все, что попадалось на пути. Даже старые качели жалобно скрипели, раскачивались, словно их испытывали на прочность сошедшие с ума призраки.

– Будет обидно, если пострадают розы, – задумчиво произнесла женщина в длинном атласном халате и решительно задернула портьеры.

В гостиной сразу же стало намного уютнее. Тихо потрескивали дрова в камине. Мерно тикали большие напольные часы, провожая заранее отмеренное количество минут громким боем. Сполохи огня подсвечивали янтарную жидкость в початой бутылке коньяка, переливались золотом в хрустальных рюмках.

Но вынужденное молчание, вязкое, как трясина, не создавало атмосферу романтического ужина, ведь эти двое, сидящие сейчас друг против друга, за накрытым журнальным столиком, были безнадежно далеки, словно существовали в параллельных мирах. Громко стукнула вилка, упав от неловкого движения на пол. Мужчина вздрогнул.

– Предупреди Данилу о том, что все последствия сегодняшнего урагана должны быть устранены к завтрашнему вечеру. Не забывай, в субботу мы устраиваем прием, – сказала она в обычной категоричной манере, которая в последнее время вызывала у него нервный зуд.

– Почему бы тебе не распорядиться самой? – ответил он. – Если, конечно, ты хочешь, чтобы все было выполнено точно и в срок.

Она вдохнула побольше воздуха, должно быть, преодолевая сильное желание закричать.

– По разным причинам. Во-первых, потому, что Данила – не министр экономики, а всего лишь наш дворник, которому каждый месяц я исправно плачу жалованье. Во-вторых, смею заметить, что мужчиной в нашей семье являешься все-таки ты. Хотя я и привыкла носить брюки. А в-третьих, мне это все порядком надоело!

На последней фразе, в которой уже явственно звучали истеричные нотки, она плеснула в рюмку добрую порцию коньяка и немедленно отправила в рот. Жест получился настолько привычным и таким неженским, что мужчина едва не рассмеялся. Но сделать это ему помешало привычное чувство – причудливая помесь здравого смысла и страха. Он по-прежнему не мог избавиться от своей давней фобии: что будет с ним, если она наконец решится и выставит его на улицу? Куда он тогда пойдет? Вернется на место инструктора в спортивный клуб для богатых идиотов?

Его прошиб холодный пот. Тем не менее где-то в глубине его души помимо привычного страха уже давно зародилось и росло новое чувство – протест. И он креп день ото дня, набирая силу после очередной ссоры. Злоба, помноженная на обиду, дает чудовищные всходы.

Сейчас он рассматривал ее холодно, без эмоций, как натуралист, препарирующий лягушку. Что ж, для своих сорока с небольшим лет она выглядит неплохо, но это скорее следствие хорошего ухода, чем дар природы. Хорошую стрижку, умеренный макияж и аккуратные, ухоженные ногти по прейскуранту предоставят в любом салоне красоты. Но вот со следами времени бороться сложнее. Под ее глазами уже набухли предательские мешочки. Сеточка тонких морщин стала проступать даже через слой пудры. А уж тело... Конечно, она никогда не была моделью, но также и не портила фигуру беременностями и родами. Тем не менее замет-

ные складочки на талии и по бокам сейчас только подчеркивались гладким атласом. Дорогой пеньюар безжалостно выставлял напоказ все ее несовершенства: широкие бедра и слегка отвисшую грудь. Крепкие рабочие руки с короткими пальцами нелепо смотрелись на фоне изысканных кружев. А ведь она не ворочала кирпичи, а только владела преуспевающей строительной компанией, возводящей высотные здания и торговые центры. Интересно, почему все женщины-предпринимательницы, добившиеся оглушительного успеха, похожи на мужчин? Ошибка природы?

А вот ему только двадцать восемь, и он хорош собой: высок, прекрасно сложен. У него мягкие серые глаза с поволокой и необычайно одухотворенное лицо. Последним своим достоинством он, кстати, очень гордился. Во всяком случае, это его отличало от смазливых молодых оболтусов, во взгляде которых можно найти только пустоту, окаймленную черными пушистыми ресницами. С успехами, правда, дело обстояло скромнее: первое место в областных соревнованиях по бодибилдингу пять лет назад и женитьба на самой успешной женщине города. Вот, пожалуй, и все. Но разве это повод для того, чтобы обращаться с ним, как с пустым местом? Например, как сейчас...

– Объясни, почему ты не можешь поговорить с Данилой, – твердила она.

Дался ей этот Данила!

– Потому что он привык слушаться только тебя, – терпеливо отвечал он. – Когда я прошу его о чем-нибудь, он делает вид, что плохо понимает человеческую речь.

– Ты сам в этом виноват!

– Интересно, в чем?

– Ты не можешь поставить себя, как хозяин. Ты привык вваливать все на мои плечи.

– А может, причина в тебе? Ты сама не считаешь меня хозяином, и вся прислуга слепо следует твоему примеру. У тебя есть водитель – он тебя возит. Есть дворник – он подметает двор. Есть садовники, кухарки, домработницы... У тебя есть я – и я сплю в твоей постели, сопровождаю тебя на модные вечеринки, получая взамен дармовую еду и дорогие тряпки. Каждый выполняет свою работу.

– Не болтай ерунды! – оборвала она его.

– А вот и не ерунда! Ведь ты не требуешь от шофера того, чтобы он подчинялся дворнику? Так и я. Твоя прислуга чувствует, что я нахожусь с ней на равной ноге, не выше. Почему тогда она должна выполнять мои распоряжения?

– Потому что ты – мой муж!

– Ой ли? Из чего это следует? Из той бумажки, которую ты стыдливо прячешь в дальнем ящике стола? – Он почувствовал волнение. – Ты шпыняешь меня в присутствии прислуги, а потом удивляешься: «Ах, почему в тебе не видят хозяина?»

– Поставь на место рюмку! Ты уже достаточно выпил, – холодно приказала она.

– А я хочу напиться вдрызг. Неужели хозяин дома должен спрашивать у тебя разрешения? – Он насмешливо поднял брови.

– Поставь рюмку! Сейчас ты обольешь мой любимый ковер, и пятна не выведет даже химчистка.

Он провел ногой по длинному белому ворсу.

– Бог ты мой, даже сейчас ты думаешь о ковре...

– Если бы ты зарабатывал деньги, ты бы знал их цену, – повысила голос она. – Конечно, легко, лежа на диване, упрекать других в вещизме! Деньги даются тяжелым трудом. К сожалению, для тебя это пустые слова.

– Вот, о чем я и говорил! – взвился он. – Каково мне слышать такое каждый день? Думаешь, то, как ты обращаешься со мной, придает мне уверенности? Бодрит?

Коньяк развязал его язык. Привычный страх ушел куда-то далеко. Пугливые мысли, таившиеся где-то в дальних тайниках его души, вырвались наружу. Его охватил азарт.

– Ты обращаешься со мной, как с ничтожеством. Чем я заслужил такую немилость? Я что, плохо удовлетворял тебя в постели? Я что, не выполнял все те грязные задумки, которые приходили тебе в голову?

– Тебе лучше помолчать! Тебе бы лучше пойти к себе и отоспаться!

– «Пойти и отоспаться...» – передразнил он. – Хозяйка приказала мне пойти вон! А потом что? Все по-старому? Не хочу! Опять потакать твоим прихотям? «Я хочу, чтобы ты сделал то... Хочу получить другое...» Да меня уже трясет от твоих желаний!

– Ничтожество! – брезгливо выплюнула она.

– Старуха!

– Альфонс!

– Климактеричка!

– Довольно!

Она резко, по-мужски, рубанула ладонью по столу. Звякнула посуда.

– Ты много выпил, – сказала она. – И только это оправдывает тебя. Завтра, надеюсь, к тебе вернется способность рассуждать здраво, и тогда я выслушаю от тебя извинения. А пока, изволь, освободи меня от своего общества. Переночевать сможешь в свободной гостевой комнате.

– А если я не извинюсь? – спросил он заплетающимся языком.

– Тогда я вышвырну тебя вон, – бесстрастно огласила она свой приговор. – Ты превратишься в такого же жалкого нищего, каким я тебя нашла в твоём спортивном клубе. Ты не получишь ни копейки. Об этом позаботятся мои юристы.

Он встал, слегка пошатываясь.

– Так, значит, мне идти спать?

– Совершенно верно.

– В гостевую комнату?

– Именно, туда.

Он сделал шаг в сторону двери.

– Стой! – внезапно приказала она. – Поправь дрова в камине.

Он послушно поплелся к огню. Взяв в руки кочергу, долго рассматривал ее, будто видя в первый раз. Затем открыл стеклянную дверцу.

– Пошевеливайся! – долетел до него нетерпеливый голос. – Неужели и столь простую вещь ты не можешь сделать без моей помощи?

Он криво усмехнулся, выпрямился, поигрывая кочергой.

– Ну, же! Ты превратился в столб?

Он шагнул к ней и замахнулся.

– Что ты делаешь! – успела крикнуть она...

Когда кровавая пелена спала с глаз, он огляделся. Боже мой, что же он натворил! Его больше пугал не сам факт расправы над собственной супругой, а ужасная картина последствий, открывшаяся его взору. Он и подумать не мог, что вокруг может быть так много крови! Белый ворс пропитан алой жижой, брызги на стенах, лужицы на полу. Бутылка с коньяком опрокинулась, и терпкий аромат щекотал ноздри. Мужчина отбросил в сторону кочергу. Она отлетела в сторону, отколов кусок напольной плитки.

Часы громко пробили четыре раза. Проклятье! Неужели прошло так много времени? Скоро придет прислуга. Кухарка через час уже начинает готовить завтрак. Горячая еда должна быть готова, как заведено, к шести часам. Хозяйка к семи уезжает на работу. О боже, о чем это он? Неужели так начинается помешательство?

Мужчина огляделся. С чего начать? За что хвататься? Первым делом, нужно избавиться от тела. Значит, в гараж, там стоит джип. В багажник можно будет бросить и ковер, который

теперь действительно не возьмут даже в чистку. Туда же пакет с бокалами, бутылкой, битой посудой. Только бы хватило времени!

Он потянул на себя ковер. Набухший от влаги, он еле поддался. По полу потянулась алая полоса. Мужчина посмотрел на свои руки. Они были перепачканы. А за окном неумолчно завывал ветер.

Внезапно раздался звонок в дверь. Мужчина замер на месте, но громкое дребезжание, звучащее почему-то как милицейская сирена, не прекращалось. Он опустил плечи. Все было кончено...

Упорный, непрерывный сигнал поступал, казалось, прямо в мозг. Дмитрий протянул руку в сторону источника звука, и пальцы наткнулись на небольшой корпус мобильного телефона. Тот трезвонил, не переставая.

Дмитрий подпрыгнул в постели и, осоловевший после тяжелого сна, уставился на дребезжащий аппарат. Автоматически дал отбой. Так, значит, это был только сон!

Он поднес к глазам руки. Все, как обычно: длинные пальцы с коротко стриженными ногтями, редкие рыжеватые волосы, никаких следов крови.

Бросил взгляд на место рядом с собой. Подушка примята, покрывало откинута в сторону. На коврике перед кроватью стоят домашние туфли. Но их хозяйки нет рядом. В ванной комнате не шумит вода. В доме непривычно тихо.

Дмитрий сел в кровати, обхватив голову руками. Приснится же такая жуть! Простыни были влажными от пота. Должно быть, убийство во сне далось ему непросто. Он чувствовал страшную слабость и даже легкое головокружение. Сердце глухо стучало в груди. Пальцы дрожали. Но все же он был рад своему внезапному пробуждению.

Телефон зазвонил вновь. Дмитрий вздрогнул и мысленно обругал себя за собственную трусость.

– Извини, я, должно быть, разбудила тебя, – раздался в трубке мягкий женский голос.

– Нора! – зашипел он в трубку. – Я же просил не звонить мне!

– Интересно, почему?

Дмитрий соскочил с кровати и крадущимися шагами добрался до двери в ванную комнату, тихонько приоткрыл ее. Пусто. На стенах не серебрились капли влаги – должно быть, супруга уехала уже давно.

– Ты что, опять заснул? – осведомился капризный голос в трубке.

– Я здесь, – коротко ответил он и одним прыжком преодолел расстояние до двери в коридор, выглянул наружу и даже прислушался. Никого. Он облегченно выдохнул в трубку: – Ну же, дорогая... Ты, верно, сошла с ума! Звонишь мне спозаранку, – упрекнул он собеседницу.

– Уже двенадцать часов, между прочим.

– Неважно! – Он начал раздражаться. – А если бы рядом оказалась моя жена?

– Врешь. Старуха уже в восемь часов бежит по стройке.

– Бывают исключения. А я не желаю по твоей милости попасть в щекотливую ситуацию.

И так последнее время живу как на пороховой бочке.

– Что-то опять случилось? – спросила она, искусно маскируя любопытство.

– Да. Впрочем, нет, – пробормотал он. – Так, ерунда. Мне приснился сон.

– Сон?! – разочарованно протянула Нора.

– Ну да, сон. Ты не поверишь, но я убил ее. – Его голос перешел на свистящий шепот. – Сам убил. Своими руками.

– Действительно не поверю, господин белоручка! – рассмеялась она. – Ты не способен даже уговорить ее на развод. Где уж тебе обогреть руки кровью!

– Кровь, Нора! – Дмитрий болезненно поморщился. – Кровь была повсюду. Знаешь, дорогая, это не по мне!

- Да знаю уж, – вздохнула она. – Скажи лучше, когда увидимся.
- Я сам тебе позвоню. Ты поняла? Сам!
- Тогда звони скорее, иначе я за себя не ручаюсь.
- Хорошо, хорошо. До встречи!

Он положил трубку. До чего напористы бывают женщины! Связавшись с личной маникюршей жены, он прекрасно осознавал, что обрек себя на существование буквально на острие ножа. Супруга ревнива, и в случае, если роман с Норой всплывет на поверхность, последствия для него могут быть сравнимы с вселенской катастрофой. Но запретная связь щекотала нервы и вносила в его обыденную жизнь элемент авантюры. Кроме того, всякий раз, когда супруга своими придирками и занудством доводила его до состояния тихого бешенства, осознание собственной неверности ложилось как бальзам на страдающую душу. Он мстил за себя и чувствовал свою правоту.

Дмитрий довольно потянулся. Впереди целый день, который можно провести так, как ему вздумается. Справедливости ради следовало признать, что жена не загружала его делами, и он был предоставлен сам себе. Она уезжала рано утром, возвращалась к ужину. Но вокруг него постоянно сновала многочисленная прислуга. Шатаясь в поисках хоть какого-нибудь занятия по огромному дому, Дмитрий постоянно натывался на насмешливые взгляды молоденьких горничных. Выходя в парк, он непременно попадал в поле зрения садовых рабочих, во взглядах которых не теплилось даже искорки дружелюбия. Он уходил подальше, в заросли кустарника, на дальнюю скамейку, но даже там слышал, как пересмеиваются мужчины, должно быть, перемывая ему косточки. Но хуже всех был, конечно, Константин. Он подвизался в их доме кем-то вроде дворецкого и управляющего в одном лице. Высокий, сухой и костлявый, как скелет, обтянутый кожей, Константин имел скверную привычку появляться словно из-под земли. Обо всем увиденном и услышанном он немедленно докладывал хозяйке. А в его взгляде, вежливых словах, обращенных к молодому хозяину, читалось явное презрение.

Но сегодня вся прислуга была распущена по домам, что случалось очень редко. И это означало лишь то, что Дмитрий мог наконец расслабиться и ощутить прелесть существования в огромном, напичканном удобствами доме. Например, совершить заплыв в бассейне, позаниматься в тренажерном зале, насладиться домашним кинотеатром, совершить набег на кухню... Но, немного поколебавшись, молодой хозяин выбрал джакузи. Предвкушая негу в воздушной пене, Дмитрий пребывал в прекрасном настроении. Дело оставалось за малым – сходить на кухню за мартини и льдом да выбрать комедию посмешнее.

Напевая браваурный марш, молодой человек спустился с лестницы. Босиком, в махровом халате на голое тело, он чувствовал себя наконец как дома. Не пройдя и десятка шагов, он больно ушибся, споткнувшись о брошенный на пол бронзовый канделябр с остатком свечи.

- Что за черт! – ругнулся он, поднимая странную находку.

В их доме все всегда находилось на своих местах. Жена не выносила, если вещи лежали не там где нужно, и прислуга подчинялась ей безукоризненно. Что ж, ему нетрудно внести свой скромный вклад в общую борьбу за чистоту и порядок. Намереваясь поставить подсвечник туда, где ему и положено было стоять, то есть на камин, Дмитрий зашел в гостиную и замер в оцепенении...

Глава 2

В какой-то момент ему показалось, что он вдруг перенесся в свой ночной кошмар. Гостиная была похожа на поле боя после сражения. Мебель сдвинута с привычных мест, а белое кожаное кресло с позолотой вообще перевернуто. По журнальному столику с остатками ночного пиршества как будто прошли ноги – столовые приборы, рюмки, огрызки яблок вперемишку с содержимым пепельницы громоздились неопрятной кучей. Любимый ковер жены сдвинут в сторону и испачкан непонятными бурыми пятнами. В воздухе стоял терпкий запах.

«Коньяк!» – определил Дмитрий, тупо соображая, что же здесь могло произойти. Обрывки воспоминаний нехотя всплывали в его сознании, но касались начала злополучного вечера, а дальше все заволакивало туманом. Должно быть, он здорово набрался вчера, потому что сколько ни силился, так и не мог вспомнить, каким образом он оказался в спальне. Если его не подводила память, ночное застолье с женой было относительно мирным. Конечно, она не могла удержаться от своих привычных и занудных нравоучений. Но он был молодцом, поскольку поглощал дорогой коньяк и изображал из себя глухонемого. Возможно, ей удалось выдать из него пару маловразумительных фраз, но отнюдь не оскорбления. Он не бросал мебель и не бил посуду. Помнится, жена тоже не делала ничего подобного. И уж в любом случае она не стала бы пачкать любимый ковер. Кстати, что с ним произошло?

Дмитрий подошел ближе, наклонился. Странные пятна меньше всего походили на следы от коньяка. Он даже присел на корточки, чтобы определить их состав. Темная, бурая жидкость пропитала белоснежный ворс. Он дотронулся до него пальцем и словно обжегся. Похоже на кровь! Но откуда ей здесь взяться? Определенно неоткуда.

Мужчина поднялся с колен, обвел взглядом гостиную и невольно съежился. Беспорядок, битая посуда, пятна на ковре – звенья одной цепи? Вот ведь чертовщина! А куда делась его жена? Она бы могла пролить свет на произошедшее. Странно, что она оставила все, как есть, и преспокойно отбыла на работу.

Он нащупал в кармане телефон, быстро набрал знакомый номер.

– Строительная компания «Эдельвейс», секретарь генерального директора, – пропел в трубку приветливый женский голос.

– Ингу Петровну, будьте любезны, – попросил он.

– Дмитрий Александрович, это вы? – обрадовалась секретарша.

«Черт!» – поморщился Дмитрий. В его планы не входила болтовня с милой девушкой. Сейчас его интересовали совсем другие вопросы.

– Да, я.

– А где Инга Петровна? – задала глупый, на его взгляд, вопрос секретарша. – Сейчас должна быть планерка. Все в сборе, только ее нет. Мобильный не отвечает.

– Может, она на объекте? – осторожно поинтересовался Дмитрий.

– Исключено. Она и там не появлялась.

– Значит, – произнес он, растягивая слова, – *ее никто не видел сегодня?*

– Никто, – подтвердила девушка. – Очень странно, учитывая, что Инга Петровна весьма пунктуальна.

– Да, странно, – пробормотал Дмитрий.

– Постойте-ка! – спохватилась девушка. – Но вы-то знаете, куда она направилась сегодня утром?

– Да-да, конечно. Кажется, она что-то говорила про своих родственников, – выдумал он на ходу.

– Родственников?!

– Кажется, так – замялся он. – Вроде бы она что-то про них говорила. Знаете, я позвоню вам, если что-то узнаю.

– Ну, хорошо, – ответила озадаченная девушка.

Дмитрий быстро нажал отбой. Похоже, он выставил себя круглым идиотом. Хоть бы уж скорее появилась жена! А если не появится? Его бросило в жар.

Уже потом, вспоминая события того памятного утра, Дмитрий не мог понять, что его толкнуло делать то, что, по всей видимости, делать не стоило. Конечно, можно было дожидаться прихода жены и попросить у нее прощения. Так, на всякий случай. А потом невинно поинтересоваться, *что же все-таки здесь произошло?* Можно было позвонить горничной и попросить ее выйти на работу за дополнительную плату. В конце концов, уборка – ее прямая обязанность, а от возможного приработка она никогда не отказывалась. Но ничего подобного Дмитрий делать не стал. Возможно, всему виной был сон, отвратительный тяжелый сон, который все еще довлел над ним, вынуждая действовать, словно по заранее написанному сценарию.

Он принес из кладовой пластиковый пакет, наскоро побросал туда огрызки яблок, сигаретные окурки, прочий мусор. Ковер аккуратно свернул и убрал в сторону, расставил по местам мебель. Поднимая с пола осколки бокала, порезался и, чертыхнувшись, прижал палец к губам, чтобы унять саднящую боль. Замотав кое-как кровоточащую рану носовым платком, принес пылесос – мелкое стеклянное крошево было проще собрать, используя технику, чем веник и совок.

В гудении пылесоса было что-то умиротворяющее, домашнее, и Дмитрий наконец ощутил, что паника постепенно покидает его, а голова становится ясной. Он обвел глазами гостиную. Конечно, до идеального порядка далеко, но во всяком случае нет такой разрухи, как раньше.

– Кажется, я успел, – пробормотал он и наступил ногой на клавишу пылесоса. Аппарат замолчал. – Осталось немного...

– Я помогу вам, – раздался за спиной знакомый, словно надтреснутый голос.

Дмитрий оглянулся, внезапно ощутив противную слабость в коленях. В дверях стоял управляющий, Константин.

Он казался таким же невозмутимым, как и всегда. Его глаза под набрякшими веками не выражали ни удивления, ни любопытства, только тренированную годами долгой службы профессиональную вежливость. И, пожалуй, безразличие.

Дмитрий проглотил комок в горле и потуже затянул пояс халата.

– Да, ничего... не стоит беспокоиться... управлюсь... Небольшой беспорядок, знаете ли. Засиделись вчера с женой.

Он и сам не мог понять, зачем ему понадобилась эта ложь, ведь Константин не требовал от него никаких объяснений. Отлично вышколенный дворецкий не имеет привычки задавать вопросы. Ему не за любопытство платили вознаграждение.

– Никакого беспокойства, Дмитрий Александрович, – проскрипел управляющий. – Я просто выполняю свои обязанности.

– Нет уж, позвольте... У вас ведь выходной! – уцепился за спасительную соломинку молодой хозяин, лихорадочно соображая, как бы половчее отвязаться от назойливой помощи.

– Инга Петровна просила меня разобраться со счетами, и коль скоро я здесь уже появился, то разрешите вмешаться. Тем более, я вижу, вы повредили руку.

Дмитрий недоуменно взглянул на свою ладонь. Действительно, устраняя следы странного происшествия, он уже начисто забыл о своем нечаянном ранении. Между тем на носовом платке явно проступил алый след.

– Йод и вату вы найдете на кухне, в ящичке с лекарствами, – меланхолично сообщил управляющий, забирая из его рук шланг пылесоса. – Будет лучше, если вы пойдете к себе. Опасно ходить здесь босиком. Посмотрите, осколки отлетели даже к камину...

Ну, конечно, наблюдательный Константин за минуту заметил больше, чем его молодой хозяин, бестолково толкаясь здесь уже битых полчаса.

Дмитрий хотел было взять пакет, но управляющий опередил его:

– Не стоит. Я все выброшу сам. Ступайте на кухню.

Тон, каким была сказана последняя фраза, не предоставил мужчине выбора. Понимая, что выглядит глупо, хватаясь за занятие, в чрезмерном пристрастии к которому никогда не был уличен, Дмитрий был вынужден подчиниться. Он направился к выходу. Уже на самом пороге, обернувшись, он словно споткнулся о взгляд Константина. Управляющий смотрел на него пристально. От былого безразличия в нем не осталось и следа...

Остаток дня прошел, словно в тумане. Дмитрий долго сидел на кухне, прислушиваясь к мерному жужжанию пылесоса, доносившемуся из гостиной. Мимо него сновала горничная, которую Константин все же вызвал на помощь. Девушка поглядывала на хозяина с любопытством, но язык все же держала на привязи.

Его беспокоили постоянные звонки по телефону, в дребезжании которого Дмитрию почему-то слышалась тревога. Многочисленные знакомые его супруги удивлялись тому, куда она все-таки пропала. Задавали бесчисленные вопросы, делали самые немыслимые предположения, недоумевали и возмущались. Они сводили Дмитрия с ума, и когда его рука уже потянулась к телефонному шнуру, чтобы наконец отрезать себя от обезумевшего внешнего мира, на пороге кухни материализовался Константин. Молодой хозяин мог поклясться, что вездесущий управляющий сумел разгадать его маневр.

– Инга Петровна не сообщила, когда вернется? – спросил он. Редкий случай, вообще-то не в его манере задавать вопросы.

– Нет, ничего такого, – мотнул головой Дмитрий.

– Простите, что отрываю вас от ваших дел, – проговорил Константин, вложив в последние слова несколько ноток иронии, – но хозяйка намеревалась провести встречу в своем кабинете с управляющим банка. Он уже подъехал. Что ему передать?

– Передайте, что Инга Петровна уехала по делам и вернется не скоро, – проговорил Дмитрий, с трудом подбирая слова. – Передайте ее извинения. О новой встрече она уведомит его дополнительно.

Константин выдержал эффектную паузу.

– Мне кажется разумным обратиться в службу безопасности, – сказал он наконец.

– Подождем, – пробормотал Дмитрий. – Она просто уехала.

– Ее джип в гараже отсутствует, – подтвердил управляющий. – Но она никогда так раньше не поступала. Чего вы ждете?

– Не стоит сеять панику. – В голосе молодого человека слышалось раздражение. – Все будет хорошо...

Нора ворвалась к нему в комнату, как только стемнело. Она всегда была такой – порывистой, взбалмошной, как озорная девчонка-первоклассница. Но сегодня ему хотелось тишины и спокойствия, и поэтому незапланированное появление подруги вызвало в нем только раздражение.

– Какого черта ты пришла? – произнес Дмитрий вместо приветствия.

Она не обиделась. Прошелестев полами длинного плаща, пересекла комнату. Небрежно бросив в кресло ридикюль с золочеными ручками, встала напротив него, приняв живописную позу. Ее зеленые глаза казались встревоженными.

– Что происходит? – спросила она вполголоса. – Мне звонила Мария, ваша горничная, и говорила какие-то странные вещи. Будто бы старуха куда-то пропала, а гостиная залита кровью.

– Что за чушь? – вспыхнул Дмитрий. – Ты выслушиваешь всякий бред и потом мчишься сюда для того, чтобы задавать мне глупейшие вопросы. А если сейчас сюда войдет Инга? Как ты объяснишь ей свое пребывание в спальне мужчины?

Нора мигом подобралась.

– Да проще простого. Ты забыл? Я ведь точу коготки твоей милой супруге. Что же здесь удивительного? Бедная скромная маникюрша пришла обработать ручки хозяина. Хотя что-то подсказывает мне, что Инга сюда сейчас не войдет.

Она смотрела в глаза Дмитрию долгим, страшным взглядом, и он поспешил отвести глаза. Но не удержался, буркнул:

– Что ты имеешь в виду?

Нора пожала плечами:

– Сегодня утром по телефону ты говорил мне правду? Ты на самом деле убил ее? – Ее глаза впились в лицо друга, словно пытаясь выжечь на нем клеймо с заглавной буквой У. Убийца...

– Да что на тебя нашло? – вскричал он, взволнованный, ошеломленный. – Мне приснился сон. Сон, понимаешь? А теперь Инга куда-то запропастилась. Но она может быть где угодно: в незапланированной командировке, на деловых переговорах, на объекте, в конце концов. Я не могу понять, почему сегодня все точно сговорились задавать мне дурацкие вопросы!

Нора приподняла тонкие брови, демонстрируя, должно быть, искреннее удивление.

– Просто, когда мне стало известно об исчезновении старухи, я решила – вот оно! Ведь мы столько мечтали об этом, строили планы...

– Всего лишь совпадение. Тебе показалось.

Нора походкой манекенщицы прошлась по комнате, приблизилась к большому старинному шкафу, не спеша открыла дверцу. Ее пальчики с ярко красными ноготками прошли по стройному ряду платьев.

– Показалось, говоришь? – Ее мысли улетели в бесконечность. – Я всегда думала: ну зачем одному человеку столько нарядов? Гляди-ка, каких только платьев здесь нет! И бархатное вишневое, и серебристое с корсетом, и алое со шлейфом... А как бы мне подошло вот это, фисташкового цвета с розой на корсаже!

Она вздохнула, но пальцы продолжали теребить струящуюся материю.

– А вот если подумать, то что ей украшать-то, твоей старухе? Ее мужеподобное тело с полным отсутствием талии? – Нора посмотрела на Дмитрия, словно ожидая согласия. – А вот этот мех... Способен ли он смягчить воинственное выражение ее лица? Такое впечатление, будто у нее в руках всегда была шашка, которой она махала направо и налево, отрубая к чертовой матери головы всем несогласным.

Нора выдернула с вешалки боа из серебристой лисы и обмотала себе шею.

– Сними сейчас же! – прошипел Дмитрий и даже сделал вялую попытку сорвать мех с ее плеч.

Но маникюрша, легкая, как стрекоза, ловко увернулась. Усевшись на стол, она перекинула ногу на ногу, затем, сложив губы трубочкой, словно для свиста, подкрасила их помадой. Нетрудно догадаться, что косметика также принадлежала не ей, а была оставлена хозяйкой дома на столе, в шкатулке из палисандрового дерева. Покопавшись еще немного в чужих вещах, несносная девица выудила оттуда же браслет из белого золота с гранатами и, полюбовавшись тем, как играют на свету камни цвета выдержанного вина, нацепила украшение на руку.

– Боже, какая прелесть! – выдохнула она. – Согласись, мне идет куда больше, чем твоей старухе.

Бесспорно, браслет на округлой ручке любовницы смотрелся великолепно. Рука же Инги больше годилась разве что для серпа и молота, чем для столь изящного творения ювелира. Но Дмитрий в тот момент не был склонен раздавать комплименты.

– Положи на место! – зашипел он. – Это любимое украшение Инги.

– Ой-ой! Да забери, больно нужно...

Девушка сняла браслет и бросила его в шкатулку. Мерцающая змейка скользнула внутрь коробки и там затаилась, дожидаясь возвращения настоящей хозяйки.

Нора посмотрела в зеркало и, вероятно, удовлетворившись своим собственным отражением, обратила взор на Дмитрия.

– Ну, да ладно, много я тут всего наговорила... Но пришла я не за тем. Я-то ведь хотела как лучше. Имей в виду, что Константин наткнулся в гостиной на какие-то странные следы, похожие на засохшую кровь, и приказал горничной оставить их, чтобы к ним потом не было никаких вопросов. А ковер, который ты попросил увезти в чистку, преспокойно лежит сейчас в гараже и дожидается своего часа.

– Кого дожидается? – переспросил Дмитрий.

– Кого... – передразнила его Нора. – Ты уж сам, милый, должен решить, кого именно.

Дверь спальни распахнулась без предварительного стука. На пороге стоял Константин.

– Дмитрий Александрович, чай изволите подавать? – спросил он, поджимая губы при виде маникюры.

– Какой чай? – нервно спросил хозяин. – Когда меня наконец оставят в покое?

– Не буду вас беспокоить, Дмитрий Александрович, – шурша плащом, проследовала мимо него Нора. – Мне кажется, вам сегодня не до маникюра.

Боа из лисицы было небрежно сброшено на ковер...

Глава 3

Речь мужчины в бесформенном черном пальто казалась сухой и казенной, словно прочитанной с милицейского протокола:

– Джип нашли на дне старого карьера. Он выгорел полностью. Внутри мы обнаружили женское тело. Конечно, исследования еще будут проводиться, но, думаю, вопрос об исчезновении вашей супруги можно уже считать закрытым. Так что ваша жена мертва, Дмитрий Александрович. Вы хотите что-то сказать по данному поводу?

А что он мог сказать? И что обычно говорят в таких случаях? «Нет, этого не может быть!» – услужливо подсказывал внутренний голос нужную фразу. Но Дмитрий чувствовал себя так же, как актер, забывший слова роли на публике. Его не покидало ощущение душевной и телесной разбитости. Спал он дурно и теперь всем разговорам на свете предпочел бы одиночество и постель. Но вынужден был сидеть в гостиной напротив человека с колючим взглядом, чье удостоверение в красной обложке он так и не удосужился прочитать. Кто он? Следовательно? Что ему от него нужно?

– Это точно она? – Фраза получилась такой натужной, неестественной, что следователь даже улыбнулся.

– Конечно. Машина принадлежит вашей супруге, это установлено по государственному номерному знаку. Труп женский. У вас есть какие-то иные предположения?

Дмитрий замялся.

– У меня такое чувство, что вы меня в чем-то подозреваете.

Может, он ожидал, что человек с хмурым лицом станет его разубеждать? Но ничего подобного, включая выражения соболезнования, он не услышал. Более того – мужчина в бесформенном пальто ухмыльнулся.

– У меня к вам много вопросов, Дмитрий Александрович, и я непременно их задам. Но чуть позже, имейте терпение. Пока мы лишь осмотрим ваш дом.

Молодого хозяина словно подбросило. От былой невозмутимости не осталось и следа.

– Что? На каком основании? Я не позволю!

– Ваше право, – лениво отмахнулся следователь. – Я имею в виду, возражайте на здоровье. А мое право провести здесь осмотр и, возможно, обыск. На то и на другое у меня есть на руках разрешение суда.

Он сунул под нос Дмитрию какую-то бумагу с печатью.

– Читать будете? Тут, кстати, указано, что по сообщению заявителя в вашем доме найдены следы преступления, а также вещественные доказательства, способные пролить свет на причины гибели вашей супруги, Серебровой Инги Петровны. Ну что, будете знакомиться с документом?

Дмитрий оторопело замотал головой.

– Вот видите! – удовлетворенно заметил следователь. – У нас все по закону. А то начинают тут права качать... – Он презрительно скривил губы. – «Не позволю...» Ох ты господи! Мы начинаем с гостиной. Вы пойдете?

– Нет, – тихо произнес Дмитрий. – С вашего позволения, я останусь здесь.

– Сиди, коли есть охота, – равнодушно согласился следователь. – Только дверь мы оставим открытой, и вон тот сержант за тобой присмотрит. С места вставать, конечно, можно, но в ящиках копаться не рекомендую.

– Почему? – без особого интереса спросил Дмитрий.

– Чтобы уберечь тебя от глупостей, соколик. – Следователь фамильярно похлопал его по плечу.

Что он имел в виду? Дмитрий не понял, но его почему-то окатило ледяной волной страха. Словно кто-то, отворив все окна и двери, запустил в дом ноябрьский пронизывающий ветер...

Дмитрий сидел за столом в кабинете, опустив плечи и вперив взгляд в одну точку. Внутренний голос опять подсказывал, что ему нужно находиться сейчас не здесь, а в гостиной, откуда доносились голоса и шарканье ног. Смысла слов он уловить не мог, но отчетливо слышал приказные интонации и отрывистые ответы. Судя по всему, работа там шла полным ходом. Но он оставался сидеть здесь, в кабинете, поглаживая рукой деревянную рамочку с фотографией. Сержант топтался в дверях, изредка бросая на него быстрые взгляды, поскольку все его внимание было занято сейчас действиями, разворачивающимися в гостиной.

Дмитрий взял в руки рамку с фотографией. Со снимка глядела на него счастливая пара: муж и жена на фоне бесконечного синего моря. Так счастливы они были тогда, ведь для них все еще только начиналось...

Природа одарила его крепким, мускулистым телом, белозубой улыбкой и красивой формой головы, которую выгодно подчеркивала короткая стрижка. На фоне его налитых плеч она казалась небольшой, как на детских картинках про героев-суперменов. Выдав все, что полагается по списку красавцу-мужчине, та же матушка-природа по какому-то своему злему умыслу, а может, просто из чувства справедливости явно сэкономила на интеллектуальных данных сего человеческого индивидуума. Дмитрий не отличался ни крепкой памятью, ни смекалкой, поэтому успехи его в средней школе были весьма скромными. Но все же надо отметить, что откровенно тупым его никто никогда не считал. Особенно девочки. Было нечто такое в его мягком взгляде, что не позволяло даже самым остроумным из сверстников упрекнуть его в глупости. А когда его глаза заволакивало туманной дымкой, Дима казался особенно красивым – такая печаль непризнанного поэта вкупе с непоколебимой мощью атлета просматривались в его облике. Так что, конечно же, от недостатка женского внимания он не страдал никогда.

Жизненный путь Димы был тоже определен свыше. Школа, затем завод, где он долгое время прозябал разнорабочим. В свободное время, скинув ненавистную робу, он стремился в «качалку» – в спортивный клуб с самодельными тренажерами. Там, где стены были увешаны плакатами с изображениями культуристов, он чувствовал себя как дома. Таская «железо», он любил рассматривать себя в зеркало. Зрелище было ничем не хуже, чем на глянцевых страницах журналов с фотографиями зарубежных знаменитостей. Поэтому, когда в стране подули ветры перемен и люди стали уделять больше внимания своей внешности и здоровью, он оставил завод и перешел на тренерскую работу. А вскоре получил место в престижном фитнес-клубе.

Дмитрий словно попал в другой мир – в мир, где вкусно пахло духами и ванилью, где женщины одевались, как в кино, а мужчины были сдержанны, немногословны и деловиты. Он как-то сразу почувствовал, что принадлежит этому миру. Прощай коммуналка, прощайте бывшие друзья по цеху, здравствуй новая жизнь! Молодой человек еще больше расправлял плечи и вдыхал полной грудью, заходя в двери спортивного клуба. Но вскоре произошло то, что оказалось ощутимым щелчком по его самолюбию...

Светочка, красивая девочка, его клиентка, проявила к нему расположение. И он, подчиняясь зову природы, не стал упрямиться. Девчонка и впрямь была хороша – молоденькая, стройная, упругая, как мячик, с хорошо подвешенным языком и манерами опытной кокетки. Ее улыбки, будто бы нечаянные прикосновения нельзя было растолковать по-другому. Ясное дело – она влюбилась!

Они много времени проводили вместе. Дмитрий водил девушку в кино, на каток, в парк. Та приглашала его в рестораны, ночные клубы, где он, отстаивая свои мужские права, платил за двоих, хотя такие траты пробивали значительную брешь в его бюджете. В постели все было просто отлично, и Дмитрию казалось, свадьба не за горами.

Первый тревожный звоночек прозвучал тогда, когда на одной из вечеринок Светочка представила его подругам:

– Дмитрий, мой инструктор по фитнесу.

Раздались восторженные возгласы, хлопки. А одна из приятельниц Светы, брюнетка с томным взглядом оливковых глаз, молвила:

– А можно мне записаться к вам на индивидуальные тренировки? Кажется, мне нужно привести в порядок пресс, – и она провела рукой по абсолютно плоскому животу.

Дмитрий потом сердился, выговаривая Светочке:

– Зачем тебе понадобился такой спектакль? Неужели нельзя было представить меня как-нибудь иначе?

– Как, например? – невинно хлопая глазами, спросила Света.

– Не знаю. Ну, друг... мой парень, в конце концов...

На лице девушки появилось странное выражение, но он тогда не придал этому значения.

Второго звоночка не было, потому что в ушах Дмитрия зазвучал гулкий колокол. Однажды, в один из прелестных мартовских дней он увидел свою избранницу в обнимку с незнакомым мужчиной. Тот подсаживал ее в «Мерседес». В руках Светочки был баснословно дорогой букет, и она смотрела на своего спутника глазами преданной собаки. Дмитрий бросился было к ним, но автомобиль, влажно чмокнув по луже, обдал его жидкой весенней грязью.

А при следующей встрече разговор получился короткий, но впечатляющий.

– Я тогда была с моим женихом, у нас через месяц свадьба, – заявила Светочка, лишая молодого человека последних иллюзий.

– А как же *мы*? – удивился Дмитрий.

Девушка недовольно поморщилась.

– Что ты понимаешь под словом *мы*?

– Ну, ты и я, – пробормотал он, сбитый с толку. – Мы же любим друг друга! И я думал...

– Не знаю, что ты там себе думал... Это наконец смешно! – заявила она. – Что может быть общего между мной, дочерью директора завода, где ты когда-то работал, и тобой, инструктором по фитнесу? Мы отлично проводили время, но теперь мне пора взяться за ум и строить свою личную жизнь. Ты что, хочешь, чтобы я провела оставшуюся жизнь в нищете, в робком ожидании того, когда тебе удастся скопить денег на поездку к морю?

Вот тогда Дмитрий осознал, что поторопился, приписав себя к обществу сытых и довольных жизнью людей. Он понял, что является для них лишь частью сферы обслуживания. Таким же незначительным существом, как гардеробщик с его номерками, охранник на входе в спорт-клуб и милая прачка, тетя Маша, выдающая посетителям чистые полотенца. Да, к нему относились уважительно. Мужчины прислушивались к его советам, стремясь хоть чуть-чуть приблизить свое тело к эталону. Девушки-клиентки кокетничали с ним, а зрелые дамы были любезны и разговорчивы... Но такова лишь излюбленная ими манера общения, за которой не скрывалось *ничего*. Вернее, они хотели заполучить его как модный образец: похвастаться перед подругами, блеснуть в обществе. Но серьезных отношений не допускал никто.

И Дмитрий принял правила игры. Больше он не покупался на жеманные улыбки, не тратил свое свободное время впустую. Спрос на его услуги был высок, а ставки за индивидуальные занятия зашкаливали. Теперь он всегда был при деле и уже не стеснялся торговаться, когда речь шла о дополнительных услугах.

Так, одна дамочка в годах просила его поставить ей технику дыхания при занятиях бегом. Пригласив его на дорожку, она долго излагала ему невнятные жалобы на то, что у нее «колет в боку, а в груди что-то стесняет дыхание». Положив его руку на свой пышный бюст, она сверлила его глазами, спрашивая:

– Нет, но вы должны это ощущать! Вы слышите хрипы?

Хрипов он не слышал и был тверд, как скала.

– Технику я вам поставлю. Оплатите занятия в кассе.

– А можно без кассы? – подмигивала клиентка. – Видите ли, мне недостает воздуха в закрытом помещении. А рядом с моим домом есть чудесный парк, где мы могли бы...

– Все возможно. Однако у меня напряженно со временем. Я могу потерять важных клиентов.

Она понимающе улыбалась.

– Я оплачу ваши услуги по двойному тарифу.

– Ну, хорошо. Конечно, мне придется ради вас утрясти свое расписание, но ведь нельзя заниматься бегом, не владея правильной техникой дыхания. Называйте место и время...

Дмитрий отчетливо помнил тот день, когда в клубе появилась *она*, Инга Сереброва. Был март, по асфальту стучала капель.

– Держись, старик, если не хочешь потерять свою задницу, – хмыкнул его напарник, выразительно скосив глаза в сторону входа.

В зал вошла подтянутая блондинка средних лет, ее сопровождал администратор клуба, который расстилался перед ней подобно персидскому ковру.

– Кто такая-то? – недоуменно поднял брови Дмитрий.

– Как кто? Ты что, брат, телевизор не смотришь? Инга Сереброва, акула строительного бизнеса. Владелица небоскребов, газет и пароходов, – едва не поперхнулся его товарищ. И перешел на шепот: – Между прочим, не замужем. Насколько мне известно, редкостная стерва.

– А мне без разницы, – обронил тогда Дмитрий. Но на дамочку он взглянул с интересом. Еще бы! Не взбалмошная дочка миллионера и не жена богатого мужа – женщина, сделавшая себя сама.

Она была недурна собой, но далеко не красавица. Типичная внешность для женщины, привыкшей все в жизни делать самостоятельно. Волевое лицо с упрямым подбородком и высокими скулами несколько смягчала аккуратная стрижка, бесспорно сделанная за хорошие деньги и у хорошего мастера. Глаза скорее серые, чем голубые, смотрели прямо на собеседника, без всяких милых женских хитростей, типа: вниз – на объект – рассеянно в сторону. Фигура казалась крепкой, добротной, созданной отнюдь не для того, чтобы блистать на подиуме. Но она легко перенесла бы значительную физическую нагрузку и могла, в случае необходимости, постоять за себя. Вместе с тем женщина не была полной, скорее ширококостной и сбитой, как закаленная на полевых работах крестьянка. От коротких мускулистых рук веяло силой. Но осанка и посадка головы придавали ей величественность...

– Это Дима, наш самый лучший инструктор, – пропел администратор где-то рядом. – Если вы желаете, он займется вами прямо сейчас.

Дама окинула его цепким взглядом, словно оценивала товар.

– Звучит почти символично. Возможно, я возьму его, – молвила она без колебаний.

– Прошу меня простить, но на это время у меня запись, – четко произнес Дмитрий. – Вы можете ознакомиться с расписанием и занять любой свободный у меня час.

– Ну, что ты говоришь, Дима! – зашипел администратор и, обращаясь к клиентке с самой медовой из всех своих улыбок, пояснил: – Не вопрос, Инга Петровна, если есть необходимость, мы можем подвинуть кого-нибудь. Ведь мы знаем, насколько ценно ваше время. Правда, Дмитрий?

– Не возражаю, – ответил он. – Если, конечно, Инга Петровна сама возьмется объяснить клиенту причину отмены тренировки.

Администратор едва не задохнулся от неожиданности. Его лицо приобрело насыщенный цвет томата. А Дмитрий и сам не знал, что на него тогда нашло. Обычно он вел себя куда более корректно. Возможно, всему виной был ее взгляд – холодный, оценивающий, как у дельца на рынке живого товара. Его мужское самолюбие было задето. Разумеется, за время, проведенное в клубе, он привык к потребительскому отношению к себе избалованных дам, но они покупали

его услуги как-то мягко, по-женски, кокетливо стреляя глазами и многообещающе улыбаясь. Тут же все было по-другому...

С опозданием, но все же Дмитрий сообразил, что проявил недопустимую смелость, и уже смиренно ждал расплаты. Однако клиентка, к его удивлению, не закатила истерику. Похоже, ее ситуация только забавляла.

– Отлично, – произнесла она. – Я запишусь через администратора.

Тот хотел было что-то еще сказать, но женщина сделала нетерпеливый жест. Мол, довольно, не суетитесь, все в полном порядке...

Потом события разворачивались по уже знакомому сценарию: тренировки, пробежки в ближайшем парке и наконец приглашение на ужин. Трапеза состоялась в одном из самых престижных ресторанов. Инга заказала для них отдельный кабинет. В роскошном вечернем платье она казалась весьма привлекательной. Сереброва рассказывала забавные случаи из своей жизни, шутила. Сначала Дмитрий чувствовал себя немного не в своей тарелке, но потом освоился и даже вспомнил несколько подходящих случаю анекдотов, которые его спутница нашла весьма занятными. Вечер оказался бесподобным, и Дмитрию было даже жаль, что они не могут расстаться просто так, без всяких условий. Сереброва явно готовила для него предложение, которое ему уже не казалось заманчивым. Ему давно не было так уютно в обществе женщины, и омрачать прекрасно проведенный вечер привычной пошлостью не хотелось.

– Спасибо за компанию, но мне уже пора, – сказала она вдруг.

– Вас проводить? – спросил Дмитрий.

– Не стоит. Мне лучше поторопиться, завтра у меня очень сложный день.

И она ушла! Дмитрий был сбит с толку. Она что, пригласила его на ужин просто для того, чтобы поболтать? Для себя он решил, что Сереброва только заманивает его в расставленные сети. А последующие встречи окончательно запутали его. Похоже, известной бизнесвумен просто нравилось его общество. Она была одинока и с удовольствием проводила с ним свободное время. Они много гуляли по ночным улицам, сидели в простеньких кафе и даже посмотрели пару фильмов в кинотеатре, устроившись, как подростки, на заднем ряду. Постепенно Дмитрий расслабился и даже рассказал ей те моменты из своей жизни, о которых он предпочитал никому не говорить. Она слушала внимательно, и было видно, что ей его истории не безразличны. Конечно, его смущало то, что она брала на себя инициативу во всех вопросах: решала, куда они пойдут, что закажут на ужин и так далее. Складывалось впечатление, что они просто поменялись ролями и она в их отношениях мужчина. Ну а он, соответственно, женщина.

Однажды, когда они сидели на лавочке в парке, Дмитрий все же решился на вопрос:

– Скажи, почему ты проводишь столько времени со мной?

Она удивленно подняла брови:

– Это что, жалоба?

– Нет-нет, – заторопился он. – Просто ты такая... успешная, деловая. Неужели я тебе интересен?

Инга рассмеялась:

– Просто я собираюсь выйти за тебя замуж, дурачок! – И она потрепала его по голове, как ребенка. – Кстати, а что ты об этом думаешь? Сорок три для тебя не очень страшно?

– Что ты, совсем нет! – проговорил он. И только потом подумал: не означал ли его поспешный ответ согласие.

Однако Инга поняла его вполне определенно.

– Ну, и славно! Тогда о свадебном путешествии... Европа, Америка, острова – что ты пожелаешь?

Что мог желать он, если у него никогда не было загранпаспорта?

В общем, на той скамейке в парке они обговорили все детали их грядущей совместной жизни. Правда, говорила в основном Инга, а Дмитрий лишь вяло поддакивал. Но что он смыс-

лил во всяких там островах, лимузинах и особняках? Странно, он не испытывал чувства радости или еще какого-либо душевного подъема. Его воля была подавлена, и он шел за этой женщиной, как бычок на веревочке. Иногда в его душу все же закрадывалось сомнение: не ведут ли его на бойню? Но молодой человек отгонял невеселые мысли, как навязчивых мух. «В конце концов, а что я теряю? Нужна ли мне Инга? Ей-богу, нужна. Она умная, успешная, м-м-м... привлекательная. А ее годы? Ерунда! Да она многих молодых за пояс заткнет».

В общем, свершилось! Когда отгремел марш Мендельсона, а огромный многопалубный лайнер отчалил от берега, Дмитрий наконец понял: новая жизнь началась, стало быть, нищета и горестные раздумья остались там, за бортом. Кто бы мог сказать ему тогда, что растиражированный конец всех сказок: «жили счастливо и умерли в один день» – относится не к ним? Ведь тогда еще все только начиналось...

– Серебров Дмитрий Александрович, вы задержаны по подозрению в убийстве вашей супруги. В вашем доме обнаружены следы преступления, – раздался совсем рядом пронзительный голос.

Воспоминания заволокло туманом, а вскоре они и вовсе рассеялись, как дым, оставив после себя лишь горькое послевкусие: «Господи! Неужели это происходит со мной...?»

Глава 4

Прошло несколько месяцев...

Заведующий адвокатской коллегией Пружинин стремительной походкой проследовал в просторное помещение, где трудились его подчиненные, и ястребиным взглядом окинул владения.

Итак, всего пять человек из списочного состава в тридцать адвокатов. Ничего страшного, если учесть, что постоянное пребывание на рабочем месте – не есть непереносимое условие их профессии. Адвоката, как и волка, известное дело, кормят ноги. Поэтому просиживать штаны в офисе, дожидаясь огромных гонораров, вовсе не обязательно. Конечно, хочется верить, что остальные двадцать пять юристов не гоняют сейчас чаи дома, а бегают по судам, защищая интересы граждан. Но если кто-нибудь и возьмет себе пару незапланированных выходных, все равно криминала не будет. Профессия свободная: хочешь – работай, хочешь – валяйся на диване. Не жизнь, а загляденье! Хотя про ложечку дегтя забывать не следует: в ведомости на зарплату окажутся строчки с жирным прочерком. Такова расплата за бездеятельность!

Однако в данный момент заведующего беспокоил вопрос совсем иного свойства...

– Эй! Мне нужны добровольцы, – звучно произнес он в пустоту.

Разговоры разом смолкли, а адвокатские головы склонились еще ниже над кодексами, выразительно игнорируя боевой клич Пружинина.

Конечно, добровольцы требовались не на фронт. Хотя предложение заведующего во многом напоминало мобилизацию. Во всяком случае, ясно: личные планы в расчет не принимались и вознаграждения (имеется в виду – достойного) не предвиделось. Требовался защитник по назначению, именуемый в народе кратко и образно – «бесплатный адвокат». Понятно, что желающих сражаться за правое дело даром нужно было еще поискать.

Заведующий обвел глазами аудиторию в поисках жертвы. Вон тот седой, почтенный адвокат многолетней службой заслужил право на помилование. А вон та девица с пергидрольной челкой – вроде бы подходящая кандидатура. Но только на первый взгляд. Пружинин еще не остыл после тех жалоб, которыми его засыпали прокуратура и суд. «Опаздывает на следственные действия. Ведет себя вызывающе» – самые безобидные характеристики блондинистой штучки. Гнать бы ее, конечно, в три шеи, но нельзя, папа у нее – заслуженный юрист России, трудится здесь же. К чему ненужные скандалы в родном сплоченном коллективе? Так... А вот этот молодец с ехидной улыбкой и смелым взглядом? Смотрит прямо в глаза заведующему и ничуть не смущается. Может, его выбрать? Ах ты, черт! И здесь осечка. Он уже сидит в аналогичном процессе, и, стало быть, с него взятки гладки. А если даму в роговых очках? Опять не то...

– Дубровская! – вдруг вырвалось у заведующего вместе со вздохом облегчения. – Ну, как же я сразу про тебя не вспомнил! Дорогая, бери заявку, дело твое.

Худенькая темноволосая девушка за дальним столом, словно еще не веря своим ушам, выпрямилась. В ее темных выразительных глазах застыл знак вопроса. Пружинин поспешил развеять сомнения:

– Елизавета Германовна, выручайте! Вы же знаете, что Носкова ушла в декрет. Она, кстати, защищала этого бедолагу на следствии. Стало быть, кому-то из наших нужно идти в суд!

– И вы решили, что идти должна именно я?

– Конечно! А кто же еще?

Дубровская с отчаянием утопающего оглядела присутствующих. Но в глазах коллег читалось лишь едва прикрытое облегчение. Понятно, что сочувствия, а тем более самопожертвования ждать было просто глупо. Она сделала еще одну отчаянную попытку:

– Но я не могу! Вы ведь знаете, я пишу диссертацию по умышленным убийствам, и мне просто некогда...

– Тогда это как раз то, что тебе требуется! – обрадованно прокричал заведующий. – Отличный материал для научного исследования. Один молодой отвязный тип убил свою немолодую и очень богатую жену.

– Подождите, вы говорите о деле Серебровых? – спросил вдруг адвокат с почтенными сединами.

– Именно, – подтвердил Пружинин. – Отличное дело. Громкое, интересное. Все, что нужно для молодого адвоката, завоевывающего репутацию.

Девица с пергидролем громко фыркнула. Дело Серебровых успело прогреметь в криминальных хрониках, так что насчет «громкости» и общественного резонанса заведующий не кривил душой. Проблемы касались судебных перспектив: несмотря на невнятные пояснения главного фигуранта, Дмитрия Сереброва, обвинение уже сообщило о веских доказательствах его вины. Еще бы! Он даже не потрудился замыть следы крови в собственном доме, выставил себя не только злодеем, но и редкостным болваном. Так что надеяться на победу в подобном деле мог или неисправимый оптимист, или же обыкновенный недоумок.

– Позвольте-ка... – поспешил вмешаться молодой адвокат. Тот самый, с нахальным взглядом. – А почему дело бесплатное? Как я понял, Инга Сереброва – немислимая богачка. Можно было заложить один из ее замков для того, чтобы кинуть копеечку на счет защитника.

Седовласый адвокат презрительно улыбнулся:

– Вот если бы она сгубила своего супруга, над ее защитой трудился бы целый штат первоклассных юристов. А поскольку убийца – ее муж, жалкий альфонс без гроша в кармане, дело передают на милость адвоката по назначению. Не сомневаюсь, что наша уважаемая Елизавета Германовна сможет проявить себя с лучшей стороны!

В его последних словах звучала ирония, и Елизавета с нарастающим беспокойством осознала, что ее поражение в деле Серебровых не пройдет незамеченным от ее любимых коллег. В том-то и заключается опасность «громких дел»: любой промах становится достоянием гласности, и мало кто из практикующих юристов откажет себе в удовольствии перемыть косточки неудачливому адвокату.

– Ах, ну почему я еще не в декрете! – с тоской произнесла она.

– Сам удивляюсь, – заметил заведующий. – Но не сомневайся, когда столь счастливое событие произойдет, я с радостью передам все незавершенные дела твоим коллегам. Ты же знаешь, какой у нас замечательный коллектив!

Все кивали головами и добродушно улыбались, понимая, что на сей раз буря, угрожающе прошумев над головой, унесла все-таки соседскую крышу. Совершенно ясно, что декрет Дубровской – дело не скорое. Бесспорно и другое – у нее нет никаких шансов выйти победительницей. Дело Серебровых было безнадежным...

Следственный изолятор встретил Дубровскую привычными формальностями при заполнении документов, очередями в боксы и характерным, присущим только этому месту, запахом.

Елизавета одернула юбку и разложила на столе необходимые бумаги. Хорошо, что она не забыла взять с собой кодекс. Некоторые ее клиенты имели отличную память и оперировали статьями Уголовного кодекса только по их номерам так же ловко, как фокусники. Дубровской же запоминать безликие числительные казалось бессмысленным и трудоемким занятием. Зачем, если можно заглянуть в книжку? Но когда клиент бойко сыпал сведениями о своих прошлых судимостях, она испытывала большие сложности, пытаясь припомнить, о каких преступлениях идет речь. Однако, как ей было известно, Дмитрий Серебров к числу криминальных авторитетов не относился. Его «послужной список преступника» был пуст, а потому тем более впечатляющим выглядело предъявленное ему обвинение – убийство из корыстных побуждений...

Они рассматривали друг друга исподтишка: Лиза с плохо скрываемым любопытством, он – с усталым безразличием. Еще в его взгляде она увидела что-то очень похожее на... сомнение.

– Вы не беременны? – вдруг спросил клиент.

«Хорошенькое начало для разговора!» – подумала Дубровская, но вслух свое возмущение не высказала.

– Нет.

– Вы знаете, я почти совсем не знаю иностранного языка, – сообщил вдруг ее новый подзащитный. – Почему-то все учительницы английского уходили в декрет, не задерживаясь в школе и полугода. Боюсь, что мою защиту постигнет подобная эпидемия, и я получу срок, так и не успев выучить фамилию моего адвоката.

– Моя фамилия – Дубровская, – внятно произнесла Лиза. Она не была готова обсуждать с клиентом особенности наступления беременности у адвокатов и учителей.

– Дубровская, Дубровская... – он наморщил лоб. – Что-то знакомое. Вы выигрывали дела?

Вопрос был щекотливый. Конечно, в послужном списке Елизаветы были яркие моменты, но все же чередой бесконечных побед ее адвокатскую карьеру назвать никак нельзя.

– У меня были неплохие результаты, – честно призналась она. – Но особенности уголовного процесса таковы, что...

– Мне нужно, чтобы выиграли дело, – прервал ее молодой человек. – Я не виновен.

– Конечно, конечно, – пробормотала Лиза. – Я ознакомилась с вашим делом и скажу прямо: доказать вашу невиновность будет непросто.

– Но все-таки можно?

Дубровская вздохнула. Не так-то легко сообщить человеку, который ждет от тебя чуда, что защитник – отнюдь не волшебник, способный взмахом своей палочки стереть с орудия преступления отпечатки пальцев или превратить материалы дела в горстку пепла. Такое возможно лишь в сказке. Но что делать со взрослыми дядями и тетями, которые, обращаясь к адвокату, надеются только на волшебство?

– В деле очень много сложных для защиты моментов, – начала она. – Вот, например, кровь на стенах вашей гостиной, испачканный ковер. Кочерга со следами крови и волос потерпевшей. Как вы собираетесь объяснять появление таких улик в суде?

– Меня подставили.

– Разумеется. А кто бы мог вас подставить?

– Тот, кто был заинтересован в смерти Инги.

– Разумно. Но, может быть, вы хотя бы сделаете предположение?

– Я не гадалка.

– А вот следствие считает, что единственным человеком, кому была выгодна кончина Серебровой, являетесь вы.

Разумеется, с ее стороны подобное заявление являлось провокацией, но Дубровской стало интересно, как поведет себя молодой человек в конфликтной ситуации. До сих пор Дмитрий был не особенно многословен.

– Вот уж чужь! Я любил Ингу! – возмутился он.

– И у вас никогда не возникало мысли о том, что в случае ее смерти вы станете единственным наследником огромного состояния? – хитро спросила Лиза.

«Если старуха умрет, ты станешь сказочно богат», – зазвучал в ушах Дмитрия вязкий шепот Норы. Ему показалось, что даже адвокат слышит его. Он бросил на девушку внимательный взгляд, но та сидела, как и прежде, спокойно ожидая ответа на свой вопрос. Он прикрыл глаза, и перед ним отчетливо встала хорошо знакомая картина.

Инга стоит на самом краю пропасти. С высоты восемнадцатого этажа все внизу кажется неправдоподобно маленьким, даже игрушечным. Ветер развеивает ее волосы. Она

смеется, делая рукой широкий жест: «Это все мое! Это мой город!» На какое-то мгновение Инга поворачивается к нему спиной, и его пронзает внезапная мысль: «А ведь она может упасть...» Всего один шаг отделяет ее жизнь от смерти, всего одно мгновение стоит между ним и большими деньгами...

Дмитрий тряхнул головой.

– Про наследство я не думал. Ведь Инга была... еще так молода.

Дубровская вздохнула, еще раз оценивая то, что ей предстояло сейчас сказать. Но, похоже, ее новый клиент не оставил ей выбора.

– Видите ли, – начала она, тщательно подбирая слова. – Я не считаю выбранную вами позицию защиты удачной. Вы говорите о том, что вас подставили. Но ваши слова звучат как-то неправдоподобно.

Лицо Дмитрия потемнело.

– Вы хотите сказать, что я вам вру?

– Нет, конечно, – спохватилась Елизавета. – Но... Может быть, то, что я скажу, покажется вам странным, однако в вашем деле значимее будет не ваша вина или невиновность, а мнение суда на сей счет. А суд может решить, что вы виновны, и тогда вас осудят. Причем на приличный срок.

– Так что же делать?

– Есть другие варианты защиты. Более реальные, но, вероятно, не совсем для вас приятные.

– Что вы имеете в виду?

– Вы, например, можете признать, что совершили убийство, но сослаться на сильное душевное волнение. Предположим, ваша жена сильно оскорбила вас, задела ваше мужское достоинство, и вы...

«Примерно так и было, – поймал себя на мысли Дмитрий. – Только это ведь было со мной во сне?»

– Ваша жена – крупный предприниматель, женщина, привыкшая к власти и к подчинению, – продолжала Лиза свои размышления вслух. – Она наверняка была резка и несдержанна на язык, и для посторонних такое ваше заявление не будет сюрпризом – все привыкли к ее манере общения. Вы не сдержались, поскольку, доведенный до ручки вечными придирками и оскорблениями, впали в так называемое состояние аффекта. Убийство, совершенное в такой ситуации, наказывается по закону совсем не строго – всего каких-то три года.

«Три года за убийство. Да это фантастика! Спорим, их даже могут дать условно...» – шепнул внутренний голос Дмитрия.

– И в этом случае нам не придется ломать голову над тем, как объяснить происхождение ваших отпечатков пальцев на орудии преступления и на посуде. Все окажется намного проще! Ну же, решайтесь...

«Решайся!» – подталкивал Дмитрия его дьявол-искуситель, внутренний голос.

Серебров исподлобья взглянул на девушку, своего нового адвоката.

– Значит, нужно признать факт совершенного мною убийства?

– Именно так, – подтвердила Лиза. – Иначе как я буду говорить о вашем состоянии?

– Но я не убивал Ингу!

– Опять вы за свое! – в сердцах заметила Дубровская.

– Да, не убивал! И не собираюсь признаваться в том, чего не совершал! – стоял на своем Дмитрий.

Елизавета вздохнула.

– Пусть будет по-вашему. Значит, оставляем все, как прежде: вас подставили. – Она пожала плечами. – Будем исходить из того, что корысть – не единственный мотив для убийства.

Можно назвать еще ревность, месть, зависть. У вас нет на примете того, кто бы мог испытывать к Серебровой неприязнь?

Клиент выразительно вздохнул.

– Честно говоря, у меня найдется не менее полусотни кандидатур. Вы правильно заметили, Инга была непростым человеком. Ее считали невыдержанной и даже грубой. Разумеется, она вела себя, как хотела: от нее доставалось и прорабу, и домработнице. Конечно, ее многие недолюбливали, но чтобы кто-то из них решился на убийство... Знаете, мне как-то сложно такое вообразить.

– Вот в этом-то наша проблема. Если мы будем говорить о вашей невинности, вопрос о настоящем убийце встанет обязательно. Кому была выгодна ее смерть? Кому, кроме вас...

Лиза осеклась. Похоже, ей следовало проявлять больше доверия к своему клиенту. Если общественное мнение уже сколотило для него эшафот, то негоже еще и адвокату забивать туда гвозди.

– Кстати, а вы уже определились с судом? – спросила она для того, чтобы заполнить неловкую паузу. – Вы ведь можете выбрать суд присяжных.

– Нет, никаких присяжных. Я хочу выслушать решение профессионального судьи, – твердо заявил Дмитрий.

Лиза мысленно перекрестилась. Спору нет, суд присяжных дает дополнительные возможности для защиты. Но отнесутся ли заседатели с пониманием к подсудимому? Ведь для них он – всего лишь альфонс, человек, который продал свое красивое молодое тело за возможность сладко есть и жить в довольстве. Если в подобных случаях речь идет о женщине, то общество, ругая содержанку, тем не менее проявляет к ней некоторое снисхождение. Но мужчина совсем другое дело! Подсудимый бросил вызов устоявшимся понятиям о том, в чем истинное предназначение представителей его пола. И любой мужчина на скамье присяжных сочтет своим долгом свести с ним счеты. Его не будут судить за убийство, его накажут только за то, что он посмел поставить себя выше общественной морали. Так что, похоже, на сострадание присяжных им надеяться не придется.

– Как вы думаете, мы победим? – спросил Серебров негромко.

Лизу порадовало, что он наконец объединил их двоих в своем «мы». Но глаза молодого мужчины по-прежнему смотрели настороженно.

– Конечно! – легкомысленно ответила она. – Ведь я не могу испортить свою безупречную репутацию...

Глава 5

Автоматические ворота отворились, пропуская автомобиль, и Елизавета с удовлетворением осознала, что наконец-то вернулась домой. Машина быстро миновала липовую аллею и, описав широкий полукруг, подкатила к крыльцу большого загородного дома. В окнах уже горел свет, что означало: семья скоро соберется на ужин. В гостиной уже наверняка зажжен камин, а на стол поставлены длинные белые свечи. Как приятно будет ощутить тепло домашнего очага и увидеть вокруг себя родные лица!

А ведь еще совсем недавно Елизавета чувствовала себя в этих стенах чужой. Впрочем, в том не было ничего удивительного. Андрей Мерцалов, муж Елизаветы, занимался фармацевтическим бизнесом и считался самым завидным холостяком города. Неудивительно, что его женитьба стала не только событием, но и интригой года. Почему удачливый и перспективный бизнесмен взял в жены ничем не примечательную девушку, оставалось загадкой со многими неизвестными. Конечно, Елизавета происходила из приличной семьи, была достаточно мила и образованна, но этих достоинств, как ни верти, было маловато, чтобы вот так, в одночасье, стать супругой влиятельного человека и получить в свое распоряжение огромный дом с целым штатом прислуги.

Досужие вымыслы, доходившие до ушей Лизы, и откровенно оскорбительные выпады недоброжелателей сделали молодую женщину мнительной и робкой. Она предпочитала отсиживаться в своей комнате, а в присутствии гостей делала героические попытки поддержать беседу. Однако мысль о том, что все приходящие в их с мужем дом посетители оценивают ее внешность и манеры, отнюдь не способствовали уверенности новой хозяйки в себе. Дубровской даже начало казаться, что ей никогда не удастся стать частью новой семьи.

Но время упорно шло вперед, и девушка стала привыкать к родственникам мужа, к тому, что все вопросы по хозяйству решают специально нанятые люди. Ее язык уже не прилипал к гортани, когда требовалось указать горничной на беспорядок в гардеробной или попросить ее почистить костюм. Конечно, до светской львицы ей было еще далеко, но на вечеринках она уже не пыталась слиться с обивкой кресел в гостиной, стараясь остаться незамеченной. Временами Лизе даже удавалось довольно остроумно отвечать на бестактные расспросы некоторых друзей семейства. И гости Мерцаловых находили, что молодая жена хозяина дома, несмотря на некоторую зажатость, все же может, в случае необходимости, выпустить коготки. Поэтому жизнь постепенно налаживалась, и наконец настал момент, когда Елизавета, вернувшись в особняк после утомительного судебного дня, сказала себе: «Как хорошо, что я дома!»

Однако надеждам Елизаветы на тихий семейный вечер не суждено было сбыться. В доме царил оживление, которое, как правило, свидетельствовало о скором приходе гостей. В столовой уже ярко горели люстры, а домоправительница, толстая Капитолина, доставала из комода серебряные приборы.

– Лиза, душечка! – окликнула девушку свекровь, Ольга Сергеевна, спускаясь по широкой дубовой лестнице вниз. – Ну-ка бегом переодеваться! Мы ждем к ужину Вошинского.

Дубровская тяжело вздохнула. Больше всего она сейчас мечтала о добром ужине и о собственной уютной кровати с ночником и книжкой...

– Надо же такое придумать: наносить визиты в понедельник! – заметила она с досадой.

Ее свекровь, не работавшая в своей жизни и месяца, искренне не понимала, чем понедельник отличается от всех иных дней недели. Поэтому она предпочла не разводить с невесткой дискуссии, а ограничиться коротким внушением:

– Поспеши, дорогая. И не забудь: гостя зовут Павел Алексеевич.

«Не знаю, кто он такой, но уже его ненавижу...» – подумала Лиза, поднимаясь к себе в спальню.

Впрочем, Павел Алексеевич Вошинский оказался милейшим человеком, галантным и обходительным. Для начала он рассыпался в извинениях за свой неожиданный визит и сообщил, что, если бы не обстоятельства, о которых рассказ последует позже, он бы ни за что не осмелился потревожить покой обитателей Сосновой виллы в столь неурочный час и тем более в самом начале недели. Причем смотрел мужчина преимущественно на Елизавету, словно просил прощения у нее лично. В конце концов Дубровская почувствовала себя неловко и даже испытала раскаяние за те нелестные эпитеты, которыми наградила нежданного гостя, переодеваясь к ужину.

– Так, может, сразу перейдем к делу? – предложил Андрей, и его отец Сергей Аркадьевич с ним согласился.

– Нет-нет! – замахал руками Вошинский. – Давайте поговорим после ужина. Я так понимаю, Елизавета Германовна совсем недавно вернулась с работы и морить ее голодом, заставляя выслушивать мою нудную семейную историю, было бы жестоко.

Пожелание гостя учли, а Лиза даже была польщена столь явно выраженным вниманием к своей скромной персоне.

За ужином говорили об общих знакомых, сетовали на слишком теплую и сырую зиму. Павел Алексеевич говорил много, но тем не менее не утомлял собеседников. Слушать его было интересно. Он отличался своеобразной манерой общения: слова произносил немного нараспев, тягуче, как капризный ребенок, активно использовал жесты, делая всевозможные пассы руками, белыми и ухоженными, как у женщины. Лицо его казалось очень живым и эмоциональным. Глаза, выразительные, большие, были как бы полноправными участниками разговора: они то округлялись, показывая высшую степень удивления, то возводились к потолку, когда Вошинский, описывая нечто, его потрясшее, употреблял превосходные степени, то пытливо всматривались в лица его собеседников, стараясь понять, разделяют ли они точку зрения Павла Алексеевича. В общем, гость был явно натурой артистической, темпераментной.

На взгляд Лизы Дубровской, Павел Алексеевич немного перебарщивал по части эмоций. Складывалось впечатление, что все чувства, переживаемые им, достигают запредельной остроты, а между тем речь шла о самых банальных вещах. Елизавете такие манеры были в новинку, поскольку мужчины, окружавшие ее в профессиональной жизни, были скупы на проявление эмоций, казались иногда людьми чересчур деловыми, даже черствыми. Каково же было удивление Лизы, когда она узнала, что Вошинский работает не в театре, не на телевидении, где ему было бы самое место, на ее взгляд, а занимается бизнесом. Причем абсолютно обыденным: что-то связанное с металлоконструкциями и строительством...

После ужина Елизавета встала из-за стола и, полагая, что выполнила все предусмотренные этикетом условности, хотела было произнести заранее заготовленный предлог и удалиться к себе. Но Вошинский выразил столь искреннее огорчение, что ей не оставалось ничего другого, как плюхнуться назад на стул и надеть на лицо самую доброжелательную из своих улыбок.

– Ведь, собственно говоря, я надеюсь на вашу помощь, миленькая Елизавета Германовна, – признался Вошинский, чем до крайности удивил всех присутствующих. – Мне известно, что вы – адвокат.

– Павел Алексеевич, голубчик, что случилось в вашей жизни, если вам потребовался адвокат? – вскричала Ольга Сергеевна.

– Может, вам стоит поговорить с Елизаветой наедине? – деликатно осведомился Сергей Аркадьевич.

– Конечно, мы можем уйти, – поднялся с места Андрей.

Но Вошинский, сложив руки, как для молитвы, поспешил успокоить всех:

– Нет-нет, друзья. Прошу останьтесь. У меня нет от вас тайн.

Ольга Сергеевна с облегчением вздохнула. Признаться честно, идея мужчин удалиться из столовой тогда, когда речь коснулась самого интересного, не пришлась ей по душе.

– Слава богу, мне не грозит тюрьма, и мой бизнес, как вы знаете, вполне легален, – продолжал гость. – Но с моей родственницей произошла большая неприятность.

– Какого рода неприятность? – спросила Лиза.

– Ее убили, – коротко ответил Вошинский. – Она была успешной женщиной, сумела заработать не только громкое имя, но и весьма приличное состояние. Сейчас мне требуется юрист для того, чтобы завершить некоторые хозяйственные дела и помочь мне в вопросах наследования.

– О! А как же зовут вашу родственницу? – не выдержала Ольга Сергеевна. Она кожей чувствовала сенсацию.

– Оля, – одернул ее супруг, – всему свое время.

Но Вошинский пропустил мимо ушей бестактность Мерцаловой-старшей, поскольку всецело был занят разговором с Елизаветой.

– Меня усыновили ее родители, так что, строго говоря, родственниками мы являемся весьма условно, – слабо улыбнулся он. – Но других наследников все равно нет. Моя бедная сестрица была бездетна. Так что придется всеми ее делами заниматься мне.

– Видите ли, – проговорила Лиза. – Я занимаюсь преимущественно уголовными делами и, боюсь, могу оказаться вам бесполезной в хозяйственных вопросах.

– Да что ты такое говоришь, Лиза! – одернула ее свекровь. – Гражданские, уголовные дела... Кажется, в институте тебя учили и тому, и другому.

– Оно, конечно, верно, но в практической деятельности я сталкивалась в основном с защитой по уголовным делам, – упрямо повторила Дубровская. – А Павлу Алексеевичу, как я полагаю, требуется высококласный специалист.

– Вообще-то я не сомневаюсь в ваших силах. Готов ввести вас в курс всех дел и даже дать время для того, чтобы освоиться. Ведь когда-то нужно начинать? – Вошинский был сама доброжелательность.

– Решайся, Лиза, – приободрил жену Андрей. – Сколько еще тебе возиться со всякими уголовниками? Сейчас предоставляется уникальная возможность изучить совсем иную специфику. Может, тебе еще понравится?

– О, я и не сомневаюсь, – заверил Вошинский. – Просто мне нужен свой человек. Не хотелось бы доверять семейные дела посторонним. У сестры трудилось немало штатных юристов, но я не хотел бы прибегать к их услугам. Мне нужны отношения, основанные на доверии.

– Как я вас понимаю! – воскликнула Ольга Сергеевна. – Ну же, дорогая, Павел Алексеевич может передумать...

– Ни за что на свете! – заверил ее гость. – У меня на примете есть даже одно хорошенькое помещение, которое может стать вам офисом на первое время. Если все сложится удачно, то я переоформлю документы на вас. Разумеется, это вознаграждение за результат. Оплату вашего труда я просто гарантирую.

Все смотрели на Лизу, ожидая ее согласия. Она сидела в кругу близких, чувствуя собственную значимость, от чего на душе становилось легко и приятно. Наконец она кивнула:

– Хорошо. Я согласна попробовать. Ну, а теперь назовите имя вашей сводной сестры.

Вошинский улыбнулся и торжественно произнес:

– Инга. Ее звали Инга Сереброва...

– О боже! Та самая Сереброва! – воскликнула Ольга Сергеевна и, обращаясь к Елизавете, с восторгом продолжила: – Деточка, тебе несказанно повезло! Я слышала, там денег куры не клюют. Дама отстроила полгорода...

Неизвестно, насколько далеко зашла бы свекровь, живописуя золотые горы известной бизнес-леди, если бы Сергей Аркадьевич не наступил ей на ногу.

– Я выражаю вам соболезнование, – произнес он серьезным тоном, повернувшись к гостю, и протянул ему руку. – Это была удивительная женщина.

– Полностью согласен, – подтвердил Андрей.

Тут все взгляды обратились на Дубровскую – она должна была хоть что-то сказать. И Лиза вздохнула, как перед прыжком в воду:

– Простите, но я не могу заняться этим делом...

Сначала все решили, что просто ослышались. На губах Вошинского застыла улыбка, которая теперь казалась резиновой. Первой в себя пришла, конечно, свекровь:

– Браво, Лиза! Что ни скажешь, все невпопад. Ты хоть подумала о том, какое впечатление ты произведешь на Павла Алексеевича? Близкий друг обращается к нам за помощью, а ты...

– На самом деле, – поморщился Сергей Аркадьевич, – к чему эти детские капризы? Я, разумеется, ценю твою самокритичность, Лиза, но всему есть предел. Кроме того, ты уже дала свое согласие...

– Никакого каприза, поверьте мне! – В голосе Дубровской слышалось отчаяние. – Просто так получилось.

– Тогда тебе неплохо бы объясниться... – потребовал Андрей.

Лиза кивнула.

– В общем, так... Сегодня я приняла на себя ведение дела в отношении некоего Сереброва Дмитрия, супруга погибшей.

– А она что, была замужем? – удивилась Мерцалова.

– Да, – неохотно признал Вошинский. – Но муж и убийца Инги – одно и то же лицо.

– С ума сойти! – продолжала изумляться Ольга Сергеевна. – Это как же понять, Лиза? Ты защищаешь убийцу?

И Лизе ничего иного не оставалось, как понуро склонить в знак подтверждения голову.

С точки зрения свекрови, все проблемы решались легко и просто. Она задумывалась, как правило, только на минуту, а потом у нее уже был готовый ответ.

– Плюнь на него! – посоветовала она на сей раз.

– То есть как это «плюнь»? – удивилась невестка.

– Ну разумеется, я выражаюсь фигурально. Пусть его защищает кто-то другой. Может быть масса отговорок: передумала, заболела, надоело... При желании можешь придумать что-нибудь еще.

– Мама, тебе не кажется, что такие вопросы Лиза должна решить сама? – одернул Ольгу Сергеевну сын.

– Пусть и решает, – пожала плечами дама, – я просто подсказываю ей нужный вариант, только и всего.

– Невозможно! – воскликнула Лиза.

– Почему, дорогая?

– Есть такое правило, есть закон, наконец: адвокат не может отказаться от принятой на себя защиты, – проговорила Лиза, страстно желая сунуть Уголовно-процессуальный кодекс под нос своим обезумевшим родственникам.

– Ничего невозможного нет, – попытался спасти положение свекор. – Ты просто вернешь парню деньги, а он найдет себе другого адвоката.

– Он не платил мне денег, – угрюмо произнесла Лиза. – Меня назначили в процесс.

– Ничего не понимаю, – потер лоб Вошинский. – Что, не собираются вообще ничего платить? Работать надо бесплатно? Разве такое бывает?

– Знакомая проблема, – усмехнулась Мерцалова-старшая.

– Нет никакой проблемы, – вмешался Сергей Аркадьевич. – Глядите, все можно решить очень разумно. Конечно, Лизе нужно будет выполнить свой долг по защите этого малоимущего...

– ...альфонса и убийцы, – подсказал гость.

– ...да, долг по защите этого гнусного типа. Но в свободное от процесса время она будет трудиться в офисе Вошинского. Конечно, если Павел Алексеевич не против подобного совмещения.

– Не возражаю, – быстро произнес тот.

Все вздохнули и с надеждой посмотрели на Лизу. Но Дубровская снова покачала головой:

– Нет, это невозможно. Дело в том, что закон запрещает адвокату оказывать услуги клиентам, у которых различные интересы.

– Ничего не поняла! – возмутилась свекровь. – Кто-нибудь, ради всего святого, может мне объяснить толком?

– Все очень просто и логично, – развел руками Андрей. – Как ты это себе представляешь? Днем Лиза идет в суд, защищает убийцу, а вечером трудится с родственниками жертвы, обсуждая вопросы наследства? Двуликий Янус какой-то получается!

– Да уж, проблема... – вздохнул свекор.

– А по моему мнению, все проблемы находятся в голове! – Ольга Сергеевна постучала себя по лбу. – Я давно советовала Лизе найти другую работу. И как всегда оказалась права!

– Мне нравится моя работа, и я не собираюсь ее менять, – с вызовом произнесла Елизавета.

– Ну что же тут поделаешь? – театрально развел руками Вошинский. – Простите, что побеспокоил вас. Кто бы мог подумать, что у нас ничего не выйдет? Действительно, идиотское совпадение!

– Ах, как неудобно получилось! – запричитала Ольга Сергеевна. – Что вы теперь будете о нас думать?

– Да ничего страшного не произошло! – заверил ее гость. – Я ничуть не сержусь. Да и какое я имею право на что-то сетовать? Просто мне придется искать другого юриста. А жаль...

– Очень хорошо, что вы все правильно поняли, – обрадовалась Лиза. – Поверьте, я очень бы хотела вам помочь.

– Не сомневаюсь, голубушка. Ну, уж коли все так сложилось...

– Тут уж ничего не поделаешь, – закончила фразу Дубровская. – Но могу я попросить вас об одолжении?

– Разумеется, – заверил ее Вошинский, старательно растягивая губы в улыбке. – Я весь в вашем распоряжении.

– Если вы так добры... Понимаете, я хотела бы осмотреть место происшествия. То есть убийства.

Наступила тишина. Присутствующие недоуменно уставились на Дубровскую. Первой оправилась от шока опять же Ольга Сергеевна.

– Не узнаю тебя, Елизавета! Что тебе вдруг приспичило?

– Ничего особенного. Просто для того, чтобы защищать Дмитрия Сереброва, мне нужно иметь представление обо всех деталях происшествия, – оправдывалась Елизавета. – Поскольку убийство произошло в доме, то понятно, что туда свободного доступа нет. Было бы очень мило со стороны Павла Алексеевича проводить меня. Неужели я о многом прошу?

– А что бы вы хотели там увидеть? – осторожно поинтересовался Вошинский.

– Гостиную, где произошло убийство. Может быть, там еще сохранились следы происшествия? Кровь на стенах, следы борьбы...

– Нет, право, ты не в своем уме, дорогая! – вскричала свекровь.

– И вправду, Лиза, – с упреком в голосе заметил Андрей. – Ты могла бы быть и тактичнее. Ведь Павел Алексеевич – родственник жертвы. Ты об этом случайно не забыла?

Дубровская поняла, что допустила непростительный промах.

– Пожалуй, я действительно зашла слишком далеко. Признаться, сразу не подумала, а теперь мне стыдно. Простите, Павел Алексеевич.

Воцинский натянуто улыбнулся:

– Нет проблем, душечка. Думаю, что смогу организовать для вас подобную экскурсию. Завтра в два часа дня. Подойдет?

Лиза засияла.

– Спасибо. Замечательно! – воскликнула она, но потом с опаской взглянула на мужа и тихо произнесла: – Очень любезно с вашей стороны.

Родственники смотрели на нее с неодобрением.

Воцинский развел руками:

– Ну, раз нужно для дела... Но вообще-то, работать бесплатно – чудеса какие-то!

Глава 6

Дом Серебровых оказался современной постройкой из стекла и бетона. Здесь не было средневековых башенок и классических колонн, просто добротное сооружение с четкими линиями и тщательно выверенными пропорциями. Должно быть, Инга Сереброва, проектируя свое жилище, руководствовалась исключительно соображениями комфорта и ничуть не заботилась о том, сумеет ли она пустить пыль в глаза соседей.

Дверь им открыл высокий костлявый мужчина, похожий на мумию.

– Добрый день, Павел Алексеевич! – произнес он, почтительно отступая в сторону. К появлению Елизаветы он отнесся без особого интереса, разве что коротко кивнул ей в знак приветствия.

– Здравствуй, Константин! – сказал Вощинский. И, обращаясь к Дубровской, пояснил: – Это Константин, управляющий Инги. Он приходит сюда каждый день, проверяя, все ли в порядке.

– Я знаю, – улыбнулась Лиза. – Константин Песков. Я читала его показания в деле.

Управляющий вопросительно взглянул на Вощинского. Тот вздохнул и после короткой паузы прояснил ситуацию:

– Елизавета Германовна – адвокат по делу Инги.

– Она защищает...

– Она защищает ее мужа, – прервал его Павел Алексеевич. – Ну, довольно об этом! Мы здесь по делу. Елизавета Германовна желает осмотреть гостиную, где все и произошло. Надеюсь, мы можем рассчитывать на твою помощь?

– Как скажете, Павел Алексеевич, – склонил голову Песков.

Дубровская подивилась безупречным манерам управляющего. Она кожей чувствовала его недовольство и даже некоторую враждебность. Но внешне Константин казался невозмутимым, словно его абсолютно не напрягало проводить экскурсию для адвоката, защищающего убийцу его любимой и почитаемой хозяйки.

– Следуйте за мной, – произнес управляющий. – Да наденьте домашние туфли, они здесь, на полке. У нас паркет.

Разумеется, последние слова относились к посетительнице. Вощинский переобулся без предупреждений.

Они гуськом проследовали в гостиную. Туфли Дубровской производили много шума, в то время как шаги Константина и Павла Алексеевича звучали почти неслышно. Это немного смущало ее, и она старалась ставить ноги осторожно, чтобы не быть похожей на скаковую лошадь, по недоразумению попавшую в дом хозяев. Однако, ступив в огромную, залитую светом гостиную, Дубровская забыла обо всех предосторожностях и в восхищении остановилась.

Комната была великолепна – просторная, светлая, выдержанная в нейтральном бежевом цвете. Свет сюда проникал через высокие окна, которые начинались едва ли не от уровня пола и, устремляясь вверх, заканчивались чуть ли не под потолком. Кроме того, хозяйка предусмотрела несколько окошек прямо в крыше дома, поэтому свет вливался в гостиную потоками, делая ее невероятно солнечной и воздушной. Однако вечером подобная открытость, по всей видимости, доставляла дискомфорт. Ведь не каждый же день хочется любоваться звездным небом, иногда мечтаешь и о земных радостях. Например, укутав ноги теплым пледом, усесться возле горящего камина с чашкой чая и книгой. А в темноте или при плохой погоде наверняка черные, стоящие прямо за окнами стволы деревьев должны вызывать скорее тревогу, чем ощущение домашнего уюта. Но чтобы такого не произошло, Ингой была разработана сложная система портьер. Благодаря ей вечером можно было полностью отгородиться от ночного парка

и любопытного глаза. Впрочем, окошки наверху всегда оставались открытыми. Но кто в них мог заглянуть? Разве что далекая звезда или ночная птица, ищущая ночлег.

Константин остановился посередине комнаты, давая возможность гостю оглядеться и, что называется, переварить первое восхищение. Все-таки ему, как и в прежние времена, доставляло радость видеть изумление на лицах посетителей. Возможно, занимаясь этим домом уже весьма продолжительное время, он пропитался его атмосферой, стал чувствовать себя едва ли не хозяином необычных хором.

– Итак, вот та гостиная, где все и происходило, – сказал он. – Отсюда можно перейти в обеденную зону, где находятся столовая, кухня и кладовая. По другую сторону вы видите дверь в кабинет и небольшой коридор, ведущий в зимний сад и зону водных процедур с бассейном, сауной и большой комнатой для отдыха. Второй этаж отведен под private помещения хозяев, хотя в одном крыле все же располагается несколько гостевых комнат.

– Понятно, – кивнула Елизавета. Откровенно говоря, ей было бы удобнее остаться здесь одной и все хорошенько осмотреть, но она не видела предлога, чтобы отвязаться от услуг Вошинского и странноватого управляющего, от которого непрерывным потоком шли флюиды холодной ненависти. – Значит, по вашему мнению, убийство случилось здесь?

Константин горделиво выпрямился и сразу стал похож на длинную палку.

– Спешу вас поправить, госпожа адвокат, – заявил он. – Это не только мое мнение, а официальная версия следствия. Именно здесь были обнаружены следы крови и орудие преступления.

«Версия», – про себя отметила Лиза. Ну да, только *версия* обвинения, пусть даже и официальная. Значит, могут быть еще и другие объяснения тех страшных событий. И она сейчас здесь именно для того, чтобы это установить. Ведь ее защита должна на что-то опираться. Только вот на что?

– Ну и где же они, ваши следы? – нетерпеливо спросила она, общаривая глазами гостиную, где царил образцовый порядок.

– Я покажу. Но вы должны понимать, что убийца постарался уничтожить часть улик. Некоторые предметы со следами крови были изъяты в ходе осмотра. Так что теперь, конечно, здесь мало что осталось после той роковой ночи.

– Тем не менее, Константин, покажи, что есть, – попросил Вошинский. – Не зря же мы сюда пришли.

– Хорошо, Павел Алексеевич, – слегка прогнулся в пояснице управляющий. – Итак, начнем отсюда...

Он прошел мимо камина к уютному уголку, где стояли стол и пара кресел.

– Вот здесь происходило их последнее застолье, Инги Петровны и этого... негодяя. Разумеется, стол был сервирован любимым сервизом хозяйки, бокалами и всем прочим, что обычно бывает необходимо в подобных случаях. Посуда была частично разбита во время конфликта, часть ее просто свалена в мешок вместе с остатками пищи. Понятно, что многие предметы были изъяты для обнаружения отпечатков пальцев.

– Как мне известно, найдены отпечатки пальцев Инги и ее супруга, – вклинился в монолог управляющего Вошинский. – И никаких посторонних, заметьте.

– Ну, откуда же здесь было взяться посторонним? Только хозяйка и ее горе-супруг. – Константин с вызовом посмотрел на Елизавету. – А вот здесь, перед камином, всегда лежал любимый ковер Инги Петровны, изумительно белый с длинным ворсом. На нем и были найдены следы ее крови. Конечно, убийца намеревался избавиться от улики, отправив ковер в чистку, но, к счастью, не успел. Поэтому фрагмент ковра был изъят и отправлен на исследование.

– И все подтвердилось, не так ли? – Вошинский посмотрел на Елизавету.

Та нехотя кивнула головой:

– Да, была обнаружена кровь человека, по группе совпадающая с кровью потерпевшей. – Ее голос звучал невесело.

Вощинский пожал плечами, что, должно быть, означало: «Так какого черта мы здесь делаем? Ведь вроде бы все ясно».

Константин подвел Дубровскую к бронзовой подставке, на которой располагались каминные принадлежности: щипцы, совок, щеточка. Один крюк был свободен.

– Вот здесь находилась кочерга, – пояснил он. – Незаменимая вещь при топке камина. Негодяй воспользовался именно ею, чтобы лишить жизни свою жену. Конечно, он снова убрал ее на подставку, но, к счастью, не заметил оставшихся на ней следов. Несколько волосков прилипли к поверхности и при осмотре были обнаружены. Ко всему прочему, от удара кочерга слегка деформировалась.

Дубровская почувствовала, что ей не хватает воздуха. В помещении-то, где потолок терялся на необозримой высоте! Должно быть, читать следственные протоколы, написанные сухим казенным языком, – это одно, а находиться в помещении, откуда еще не выветрился дух смерти, – совсем другое.

– Может, чаю? – почувствовал ее настроение Вощинский. – Мне кажется, вы немного побледнели.

Дубровская покачала головой, прекрасно осознавая, что не сможет сейчас сделать и глотка.

– Давайте побыстрее закончим осмотр, – предложила она. – У меня есть еще дела... в конторе.

Разумеется, про дела она немного приврала, что мужчины сразу же почувствовали. Но предпочли сделать вид, будто ничего не заметили.

– Вот здесь, на декоративной штукатурке, если присмотреться, можно увидеть пятна, брызги крови. Разумеется, мы пробовали их убрать, но не совсем успешно, – с чувством произнес Константин. – Эксперт, осматривавший следы, даже делал какие-то смывы на ватные тампоны. Если хотите, можете убедиться. Потрогайте пальцем вот здесь!

– Нет-нет, я верю, – поспешила ответить Лиза. – Я читала в деле...

– Следователь унес также тряпки, которыми убийца замывал пол, и вытряхнул содержимое мешка из пылесоса, – продолжил управляющий, с удовлетворением замечая, что лицо посетительницы приобретает землистый оттенок. – Кстати, в одном из стаканов было обнаружено снотворное. Вы о нем тоже читали?

– Да, – еле слышно ответила Дубровская. – Только мне непонятно, откуда вам все это известно. Ведь вы, я понимаю, по делу являетесь только свидетелем, стало быть, свободного доступа для ознакомления с материалами дела не имеете.

Константин ничуть не смутился. Похоже, он даже ожидал подобного вопроса. И на вялый выпад адвоката прореагировал спокойно:

– Вы правы, я только свидетель. Но меня допрашивали, и каждый раз я узнавал что-то новое. Так, например, следователь спросил меня про снотворное в бокале, мол, что мне о нем известно. А мне известно только то, что Инга Петровна никогда им не пользовалась. И, прикинув хорошенько, я сумел сделать вывод. Знаете, какой?

– Какой же?

Константин усмехнулся:

– Преступник думал облегчить себе совершение своего грязного дела, поэтому и добавил в стакан жертвы дозу снотворного порошка. Ведь Инга Петровна была женщиной сильной и, в случае необходимости, могла за себя постоять. Супруг сначала превратил ее в тряпичную куклу, а потом и расправился с ней без особого труда. А вы как считаете?

Елизавета помотала головой, что в контексте беседы не выражало ничего определенного. Впрочем, что она могла сказать, когда на том пресловутом стакане из гостиной были обнаружены отпечатки пальцев Дмитрия Сереброва?

«Очень уж всего много, – подумала она про себя. – Много улик для одного преступления. Вряд ли мне удастся объяснить их простым стечением обстоятельств. Плохи дела!»

– Разумеется, вы сможете приезжать сюда, если вам что-нибудь понадобится, – говорил Вошинский, придерживая рукой дверцу ее машины. – Я дам необходимое указание Константину.

Дубровская кивнула головой, мечтая поскорее убраться отсюда. Но Павел Алексеевич как будто и не собирался ее отпускать.

– Вы должны понять: для нас была большим потрясением смерть Инги. И тем более весть о том, что с ней расправился ее собственный муж. Я всегда предупреждал сестру, что добром ее увлечение не кончится. Но эта женщина жила, не полагаясь на мнение других. Может, поэтому все и произошло. Вы понимаете?

Дубровская еще раз кивнула. Она все понимала.

– Боюсь, я больше ничего не смогу сделать для вас и для вашего... клиента. – Вошинский облизнул губы. – Разумеется, на суде мы будем говорить то, что велит нам совесть.

– Конечно, Павел Алексеевич. – Елизавета решила подвести черту. – Вы вольны говорить все, что посчитаете нужным. Я вам и без того благодарна. Спасибо. А теперь до свидания, у меня дела...

Глава 7

Если бы кто-нибудь полгода назад сказал Дмитрию, что за решеткой следственного изолятора возможна вполне сносная жизнь, он наверняка бы недоверчиво покрутил пальцем у виска. На самом деле его представления о тюремном существовании основывались на страшных кадрах из отечественных сериалов, где новичка обязательно бьют и унижают. Поэтому когда впервые за ним захлопнулась тяжелая металлическая дверь, он от слабости едва держался на ногах.

К слову сказать, Дмитрий совсем не считал себя храбрецом. Мощная и накачанная фигура была всего лишь красивым футляром, в котором обитала беспокойная и слабая душа. Он не чувствовал себя готовым к тому, чтобы оказать достойный отпор дерзким сокамерникам, а в крайнем случае погибнуть. Противный, гаденький страх трепетал где-то внутри, и Дмитрий боялся, что уголовники заметят его и воспримут однозначно, как сигнал: добить! Каково же было его удивление, когда мрачные прогнозы не сбылись. Разумеется, никто не кинулся к нему с распростертыми объятиями, но и дурацких испытаний сокамерники устраивать не стали: вяло поприветствовали и указали спальное место.

Разумеется, убогое ложе сильно отличалось от роскошной кровати в доме Инги. Конечно, здесь не было шелковых простыней, и в воздухе не оседал легким облачком аромат ее дорогих духов. В камере тоже пахло, только не роскошью и богатством, к которому он уже привык. Пахло совсем по-другому. И как же иначе? Полтора десятка человеческих тел на площади, на которой едва ли мог бы уместиться роскошный санузел с джакузи в особняке Инги, запах лука, плохо мытого тела, табака да еще и испарения отхожего места... Но хуже всего было, конечно, ожидание. Ожидание конца? И каким он будет? Увидит ли Дмитрий когда-нибудь белый свет или сгниет здесь заживо, так и не осознав, каким образом его судьба совершила такой головокружительный кульбит?

Постепенно молодой человек притерпелся к новой среде обитания и понял, что жить можно даже за колючей проволокой. Через пару недель Дмитрий приспособился к режиму и даже получил представление о некоторых особенностях тюремного существования. Здесь всем заправлял пожилой зэк вполне рядовой наружности. Его даже звали как-то мирно, по-деревенски – Михась. Он мотал уже шестой срок за убийство с разбоем и считался человеком бывалым. Был Михась щуплым и невысоким. Он часто кашлял и сплевывал в платок. Толкни такого и, кажется, одним движением напополам перешибешь. Но никто в камере не задавал глупых вопросов, типа таких: почему тщедушный зэк располагается на самом лучшем месте, у зарешеченного окна? Почему он имеет право сделать замечание любому и всегда услышит вежливый ответ?

Поговаривали о том, что как-то, еще в самом начале своего криминального пути, Михась нарвался на грубость и агрессию со стороны известного тюремного скандалиста. Худой, как былинка, молодой зэк казался идеальной мишенью для измывательств. Но первая же стычка закончилась его победой. Сидельцы же претерпели шок. Михась не стал демонстрировать приемы рукопашного боя, он просто... откусил обидчику нос. После этого желающих испытать новичка на крепость духа заметно поубавилось, а потом и вообще не стало. Михась слыл человеком мудрым и не злобным. Но в его глазах читалась такая сила, светилось такое чувство собственного достоинства, что и сейчас, как тридцать лет назад, ни у кого не возникало сомнений в том, что он может постоять за себя, причем голыми руками. Конечно, изнуренный долгими отсидками, он не играл бицепсами, как Дмитрий, но все равно производил впечатление старого, матерого волка против холеного и трусливого домашнего пса.

Впрочем, Михась был великодушен. Заявив, что жить «за бабский счет недостойно правильного пацана», он оставил Дмитрия в покое. Может, он потерял к нему интерес. Может,

просто решил, что тот своим последним поступком все же реабилитировал себя как мужчина. Но Дмитрий ни за какие коврижки не стал бы выяснять причину холодного безразличия тюремного авторитета и тем более набиваться к нему в друзья. Он коротал долгие тюремные будни, не примыкая к клану «избранных», но и не отыскивая друзей среди прочего населения камеры. Хотя со своим соседом по нарам, круглоголовым и коренастым Потаповым, он все же притеснялся. Тот был абсолютно безвреден и безобиден. Да и само преступление, которое инкриминировали ему органы следствия, отличалось такой же наивностью и детской непосредственностью, как и сам Потапов.

Приехав из деревни в густо населенный мегаполис, Потапов поначалу честно пытался найти работу. Но стоящих предложений ему не делали, а те вакансии, которые имелись, навевали на него черную меланхолию. Поэтому, помыкавшись с месяц, Потапов ступил на скользкую дорожку легкого заработка. Напялив на голову женский чулок, он совершил налет на коммерческий киоск, где коротала долгие ночные часы немолодая продавщица. Одинокая и непривлекательная женщина, давно отчаявшаяся, просто отбывала время до конца своего рабочего дня, и вдруг на пороге ее киоска предстало нечто со стянутой чулком физиономией и с пистолетом в руках. Странный налетчик не захватил с собой подходящей тары, поэтому ей пришлось грузить потребовавшийся ему ассортимент в пластиковые пакеты. Денег в кассе почти не было, и основную выручку ночного гостя составили сигаретные пачки, предметы женской гигиены и банки пива. Груженный, как верблюд, Потапов сильно взмок и в самый ответственный момент с возгласом: «Ох, и надоело это мне!», – сорвал с головы чулок. Узрев рыжую небритую его физиономию, продавщица громко икнула и потеряла сознание. Как потом она объяснила следователю, реплику и поведение обвиняемого она поняла вполне конкретно: сейчас ее будут убивать! Потапов же, до крайности озадаченный припадком продавщицы, решил на всякий случай проверить ее пульс. Работники милиции, совершавшие ночной патруль, застукали его в загадочной позе над распростертым женским телом, поэтому в перечне статей обвинения появилось позорное «покушение на изнасилование», от которого бедный Потапов отрекался, как мог.

Таким образом в одной тюремной камере волею судьбы встретились совершенно непохожие люди, которым, не случись злая оказия, ни за что не пришлось бы быть вместе, даже просто знакомыми, на воле. Михась никогда бы не угадал, сколько стоит годовой абонемент в престижный фитнес-клуб; Потапову было невдомек, зачем просто так таскать гири и гантели – коли уж пришла такая нужда, проще записаться в грузчики, какие-нибудь мышцы все равно нарастут; а Дмитрию, вырванному из мира роскоши и гламура, многое было неясно, в том числе непонятна жизнь сокамерников. Между тем основное он все же усвоил: если хочешь жить, должен уметь бороться и не опускать руки даже тогда, когда твой горизонт сузился до размеров тюремного окошка...

Глава 8

День начала судебного процесса по делу Дмитрия Сереброва был серым и хмурым, словно заранее предвещал бесславный конец главного фигуранта.

Елизавета встала рано и, выпив кофе с половинкой свежей булочки, спрашивала себя о том, все ли адвокаты волнуются перед началом судебного поединка или все же есть счастливицы, которым удастся сохранять присутствие духа. Они ходят на театральные премьеры накануне стадии судебных прений, в обеденный перерыв им удастся спокойно посидеть в кафе, наслаждаясь драгоценными минутами отдыха и приятной музыкой... Дубровская была явно не той породы. Несмотря на то что минул уже четвертый год ее адвокатской деятельности и количество рассмотренных с ее участием дел примерно равнялось общему числу пальцев на руках и ногах, она сейчас чувствовала себя так, словно ей в первый раз предстояло выступить в суде, взвалив на свои плечи защиту очередной заблудшей овцы.

Сегодня она полчаса провела перед зеркалом, проверяя, все ли в порядке у нее с внешним видом. Масла в огонь подлил супруг.

– Ты выглядишь, как тетка из жилконторы, – заявил Андрей. – Неужели не можешь подобрать себе что-нибудь более интересное?

Разумеется, замечание касалось ее костюма, состоящего из юбки пристойной длины и приталенного жакета. Все вместе на Елизавете смотрелось неплохо, но как-то уж слишком уныло, без шика и блеска. Сочетание коричневого и белого цветов и у самой Дубровской не вызывало душевного подъема, но насмешливая реплика мужа, ставшая лишь констатацией известного ей факта, прозвучала обидно.

– Меня ничто так не бодрит, как комплименты по утрам, – зло откликнулась Лиза. – Смею заметить, что я отправляюсь не на вечеринку, а в областной суд.

– Да хоть бы и в Совет Федерации! – парировал супруг, рассматривая собственное отражение в зеркале. – Можно подумать, адвокаты должны одеваться так, чтобы у каждого встречного возникало желание выразить им свои соболезнования. Откуда эти тусклые тона, глухой ворот и полное отсутствие украшений? Между прочим, у адвокатов нет униформы.

– Спасибо, что напомнил, – огрызнулась Лиза, пристально разглядывая свой костюм. Неужели она на самом деле напоминает унылую старую калошу?

Разумеется, Андрею было бесполезно раскрывать одну из немногих собственных теорий, которую она вывела из опыта участия в судебных процессах. Одежда адвоката-женщины должна быть красивой, дорогой, но строгой. Особенно осторожной нужно быть с разного рода эффектными штучками. Судья, будь то женщина или мужчина, вынужден и в жару, и в холод париться в мантии, и может отнестись с предубеждением к адвокатессе, разряженной в пух и прах. А сбить спесь с нарядной куклы-защитницы он сможет единственным способом: отыгаться на подсудимом в приговоре. Последнее дело, если участники процесса будут воспринимать тебя вначале как женщину, а потом уже как адвоката. Надежда на то, что какой-нибудь судья падет жертвой волшебных чар и поэтому вынесет твоему клиенту оправдательный приговор, ничтожно мала. Вместе с тем короткие юбки и глубокие вырезы способны отвлечь внимание от самой потрясающей речи. И пусть твоими устами в тот день говорит сам Плевако, представители сильной половины человечества все равно будут пялиться на твои ноги и грудь и не поймут ровным счетом ничего из того, что ты собиралась до них донести. В самом деле, какая разница в том, что бормочет в своей речи небесное создание?

В практике Елизаветы был случай, о котором она и сейчас не могла вспоминать без смущения. Рассматривалось масштабное дело, и на скамье подсудимых сидело не менее двадцати человек, членов организованной преступной группы. Елизавета в тот день выглядела потрясающе. Изумрудный цвет ее костюма, состоящего из длинной струящейся юбки и обтягиваю-

щей блузки, приятно контрастировал с унылой цветовой гаммой спортивных трико, в которые были обряжены подсудимые. В общем, Лиза не находила ничего удивительного в том, что во время перерывов ее кто-нибудь из них то и дело подзывал: «Ой, Елизавета Германовна, у меня вопрос!», «Не сочтите за труд, подойдите еще раз», «Моему другу непонятно содержание обвинительного заключения. Не могли бы вы помочь?» И она порхала от своего адвокатского места до скамьи подсудимых, радуясь весеннему дню, эффектному костюму и своей внезапной профессиональной востребованности.

Настроение испортила прокурор. Толстая тетка в погонах долго наблюдала за оживлением эков, пока не сделала определенного вывода. С ним-то она и поспешила ознакомить Елизавету.

– У вас юбка просвечивает, – сообщила она ей в коридоре.

Конечно, проще всего было списать замечание коллеги на банальную женскую зависть. Но Дубровская, осмотрев себя в зеркале в холле Дворца правосудия, поняла, что прокурор права: изумрудный жатый шелк безбожно просвечивал, довольно четко обрисовывая очертания ног. По правде говоря, Лизе не пристало стыдиться этой части своего тела. Она обладала красивыми ножками и была не против пощеголять ими где-нибудь на пляже или хотя бы на улице, в конце концов. Но в ее планы вовсе не входило соблазнение двух десятков обалдевших от отсутствия женского общества эков.

Остаток дня она просидела на своем месте, как пришибленная, вяло пресекая попытки подзащитных получить очередную консультацию. Настроение было безвозвратно испорчено. Обращенные к ней взгляды уже не радовали, а казались сальными. А лихая тетка-прокурор, пользуясь растерянностью адвоката, кромсала в клочья заранее выстроенную ею линию защиты...

Лиза задумчиво повертела в руках розовый костюм с расшитым бисером пояском, но потом решительно убрала его в шкаф. Нет уж! Пусть ее драгоценный супруг любит красотками в мини, гордо дефилирующими по коридору его офиса. Сегодня она предпочитает быть скорее скучной, чем смешной. Ну, а юбку с дерзким разрезом она отложит до вечера...

Во Дворце правосудия, как обычно по утрам, было многолюдно. Толпа посетителей у входа постепенно втягивалась в стройный поток, проходя через рамку металлоискателя. Судебные приставы, проверяя документы, заносили данные об участниках процесса в компьютер. Далее следовала еще и процедура досмотра сумок, борсеток, пакетов.

Меры безопасности в областном суде были отлажены не хуже, чем в столичном аэропорту, но никто из посетителей не роптал. Во-первых, все осознавали бесперспективность нытья и жалоб. Ну а во-вторых, как ни верти, но приходилось соглашаться с тем, что рассмотрение судебных дел не всегда происходит в атмосфере единодушия и взаимопонимания. Редко, но все же происходили различного рода эксцессы. А старожилы Дворца правосудия помнили и рассказывали начинающим юристам случай, когда одним неприметным посетителем с хозяйственной авоськой в руках в судебном заседании была открыта стрельба. Никто тогда не пострадал. Прокурор и защитник ловко шмыгнули под стол, а лихие пули просвистели где-то в районе решетки, за которой сидел насмерть перепуганный подсудимый. Это была вендетта со стороны родственника потерпевшего, решившего правосудие своими силами. Конечно, он не покушался на жизнь иных участников процесса, но нервную встряску получили все. После того случая охрана в суде была усилена, а уже через много лет, когда Елизавета впервые переступила порог Дворца правосудия, меры безопасности в нем стали сопоставимы разве что с охраной ракет с ядерными боеголовками.

Зал судебного заседания под номером 333 располагался в самом конце коридора на третьем этаже и не являлся особо пафосным. Здесь не было кресел для присяжных заседателей и многочисленных рядов сидений для публики. Несмотря на общественный резонанс, вызван-

ный убийством известной предпринимательницы, по меркам областного суда дело не входило в состав экстраординарных. Один подсудимый, один защитник, прокурор и судья – вот и весь состав участников. Да, конечно, еще и потерпевший, в качестве которого был приглашен родственник покойной, господин Вошинский. Наблюдатели не предрекали процессу продолжительность, недели две-три, не больше. Дело ведь яснее ясного! Дмитрий Серебров уже был заранее осужден и признан виновным представителями прессы. «Охотник за наследством» – так гласил заголовок газеты, которую Лизе любезно подложила свекровь за завтраком. Итак, охота на «охотника» началась...

Дубровская с трудом протиснулась через плотную группу журналистов, в центре которой блистала погонями прокурор. Она была довольно молода и невероятно амбициозна. Проговорив на камеру заученный отрывок из обвинительного заключения, она сверкнула белозубой улыбкой и закончила свою речь словами:

– Должно быть, вам не терпится познакомиться с адвокатом Дмитрия Сереброва. Вот, кстати, и она!

Разумеется, реплика была обращена к журналистам, которые, как по команде, повернули голову, должно быть, ожидая увидеть могучего Голиафа. Вместо него перед ними предстала невысокая худенькая девушка с кожаным портфелем в руках. Лицо ее почему-то не выражало радости от встречи с прессой. Напротив, оно казалось озабоченным и чрезвычайно серьезным.

– О, так, значит, нас ждет поединок прекрасных дам? – нашелся кто-то из журналистов. – Зрелище обещает быть впечатляющим.

Дубровская мысленно одобрила свой выбор костюма. Не хватало еще, чтобы на фоне строгой прокурорской формы она выглядела, как разноцветная экзотическая птичка. Бог знает какими эпитетами наградили бы ее тогда журналисты.

– Вы верите в победу? – сунул ей под нос микрофон самодовольный мужчина с брюшком.

– Без комментариев! – сквозь зубы пробормотала Лиза, не взяв на себя труд даже приостановиться.

Должно быть, ее невежливость покорила журналиста, потому что в спину ей полетел очередной вопрос, по всей видимости, не требующий ответа:

– А вы слышали, что у вашего подзащитного нет шансов?

«Шанс есть всегда!» – твердила Лиза про себя, как заклинание, входя в зал заседаний...

– Встать, суд идет! – прозвучал голос секретаря, и все поднялись со своих мест.

Судья в длинной черной мантии проследовал к столу под трехцветным государственным флагом.

– Прошу садиться, – проговорил он, выкладывая перед собой три тома уголовного дела. – Слушается дело Сереброва Дмитрия Александровича по обвинению его в совершении преступлений, предусмотренных статьями...

Председательствовал в процессе судья Беликов, невысокий худощавый мужчина, чем-то напоминающий хорька. Вне всяких сомнений, он знал закон как свои пять пальцев и был убежден, что для торжества правосудия его одного вполне достаточно. Но чтимый им Уголовно-процессуальный кодекс предусматривал зачем-то еще и стороны обвинения и защиты, которые, по его личному мнению, ничуть не способствовали установлению истины по делу, а тянули закон каждый в свою сторону, превращая судебное заседание в балаган. И если от прокурора хотя бы был еще какой-то прок, то адвоката, будь его воля, он бы обязательно вытолкал в три шеи. Защитники только вставляют палки в колеса правосудия, предлагая дурацкие версии, которые тем не менее требовалось проверять.

Вот и сегодня, взглянув на места обвинения и защиты, он невольно сморщил нос.

Прокурор Прыгунова и адвокат Дубровская – веселенькое же дельце ему предстоит рассмотреть! С государственным обвинителем он уже встречался в процессах. Эта особа вполне оправдывала свою фамилию, поскольку была весьма прыткой и самоуверенной. Она не особенно хорошо владела законом, но с лихвой компенсировала свой недостаток напором, который проявляла по отношению к свидетелям защиты. Пожалуй, это было даже удобно. Прыгунова сбивала их с толку, а он брал их, что называется, тепленькими, растерянными, и точно поставленными вопросами выводил на чистую воду.

Что же касается адвоката Дубровской, то тут судья был совершенно спокоен. Вообще-то он не представлял себе, что она за птица, но ее адвокатский ордер говорил о многом: на форменном бланке с печатью адвокатской коллегии значилось, что Елизавете Германовне поручено ведение дела гражданина Серебров согласно статье 51 УПК. Стало быть, адвокат Дубровская будет работать за вознаграждение от государства. Поэтому логично предположить, что когти рвать за подсудимого адвокатесса не станет. Не тот случай.

Ну что ж, оно и к лучшему. Если все пойдет гладко, то уже через три недели господин Серебров получит на руки обвинительный приговор. Беликов уже ознакомился с делом и с удовлетворением заключил, что сюрпризов по нему не предвидится.

Судья посмотрел на подсудимого. Даже через тонированное пуленепробиваемое стекло, установленное вместо традиционной решетки, было заметно, как опрятно тот выглядит. Чисто выбрит, аккуратно одет, а еще, поди, и парфюмом надушен. Пижон! Беликов не выносил людей подобной породы. Праздные, легкомысленные, они прожигают жизнь на модных курортах и светских тусовках. И этот тоже хорош! Прицепился к богатой дамочке, как пиявка... Так мало того – еще и убил ее в конце концов. Смешно подумать, на что он рассчитывал?

– Подсудимый, вы признаете вину? – обратился судья к Сереброву.

– Нет, – глухо ответил тот. – Я не убивал Ингу.

«Ну, разумеется! Наверняка дамочка просто упала на кочергу», – усмехнулся про себя Беликов и продолжил:

– Защитнику есть что добавить?

– Ваша честь! Мы будем настаивать на оправдании, – поднялась с места Дубровская.

«Ну что же, настаивайте, ваше право», – Беликов едва удержался от улыбки.

Подобные спектакли он наблюдал в течение двадцати лет своей долгой судейской деятельности. «Я не виновен, ваша честь!»; «Прошу оправдания!»... Один и тот же сценарий. Могло создаться впечатление, что на скамье подсудимых оказываются сплошь одни невинные. Но Беликову слишком хорошо было известно, что дыма без огня не бывает. И он сможет убедиться в правильности своих выводов еще раз, рассмотрев дело Дмитрия Сереброва.

– Обвинение готово представить свои доказательства? – спросил судья.

– Да, ваша честь! Приглашаю для допроса потерпевшего, Вошинского Павла Алексеевича, – объявила прокурор.

Вошинский производил самое благоприятное впечатление. Вытянувшись в струнку, он внимательно выслушивал вопросы и даже слегка наклонял корпус вперед, чтобы, не дай бог, не пропустить ни слова из уст прокурора. В общем, богобоязненный и законопослушный гражданин, настоящий оплот обвинения.

– Павел Алексеевич, вам известен подсудимый? – прозвучал вопрос прокурора.

– Разумеется, – подтвердил Вошинский. – Он был супругом моей бедной сестры.

– Имеются ли между вами неприязненные отношения?

– Помилуйте, нет, конечно! Но я не буду вводить вас в заблуждение и говорить, что приветствовал этот союз. Однако я вынужден был смириться с решением Инги. Впрочем, она и не спрашивала у меня совета.

– А почему вы возражали против ее брака?

– Видите ли... – Вощинский замешкался. – Может быть, я человек консервативный, но я придерживаюсь мнения, что муж и жена должны быть равными друг другу, как бы вылепленными из одного теста... А в данном случае трудно было говорить о гармонии. Судите сами: Инга – взрослая, состоявшаяся в жизни женщина – была старше мужа на пятнадцать лет. Ну, а он? Молодой парень, без гроша в кармане, работал в каком-то спортивном клубе инструктором. Говорят, он даже подрабатывал стриптизером.

– Стриптизером?! – делано удивилась прокурор.

– Вот именно.

– Стриптиз... О, я правильно поняла? Он что, оголялся за деньги?

– Государственный обвинитель! – поморщился судья. – Давайте ближе к делу. Я думаю, всем известно, что такое стриптиз.

– Хорошо, ваша честь. Поясните, потерпевший, а каковы были отношения в семье?

– Поначалу неплохие, – ответил со вздохом Вощинский. – Сами понимаете, молодой мужчина и опытная женщина. Но дальше... Он стал ее раздражать. Нигде не работал, сутками валялся на диване... Инга пыталась найти ему занятие и, помнится, даже выделила ему кругленькую сумму. Но Дмитрий свой бизнес профукал, пустил деньги на ветер. Конечно, сестра рассердилась. Но потом решила, что проще и дешевле будет держать его дома.

«Держать дома! Как собаку!» – презрительно поджал губы судья.

– Выражала ли Сереброва желание развестись с супругом?

– Да, она поговаривала об этом. Думаю, что, если бы не произошло убийство, развод состоялся бы очень скоро. Повторяю, о любви тут не могло быть и речи. Временное развлечение, не более того.

– Собиралась ли Инга Петровна в случае развода обеспечить бывшего супруга жилплощадью или каким-либо содержанием?

Вощинский злорадно улыбнулся:

– Знаете, Инга была не такой. Она выставила бы молодчика за порог с пижамой и зубной щеткой. Вряд ли он мог рассчитывать на большее. Кстати, примерно так она ему и говорила.

– Значит, в случае развода Серебров не получил бы ни копейки?

– Совершенно верно.

– Тогда он был заинтересован в том, чтобы не допустить развода, – заключила Прыгунова. – И ему не оставалось ничего иного, кроме как совершить убийство!

Дубровская подскочила на месте:

– Протестую, ваша честь! Прокурор делает выводы за потерпевшего.

Судья недовольно вздохнул. Адвокат права, будь она неладна.

– Государственный обвинитель, не забывайте, что слова с обвинительной речью вам еще не предоставляли. Вы ведете допрос. Задавайте вопросы потерпевшему в подобающей форме.

– Скажите, вы имеете материальные претензии к подсудимому? Будете ли настаивать на возмещении материального и морального вреда? – продолжила прокурор. – Вы потерпевший, стало быть, у вас есть такое право.

Вощинский печально улыбнулся:

– Безусловно, смерть сестры была для меня большой утратой. Мы были с ней очень близки. Но я не буду заявлять гражданский иск. У него все равно нет ни копейки. Я бы только просил уважаемый суд лишить его фамилии Серебров. Вы наверняка знаете, что Дмитрий взял ее во время заключения брака.

«Взял фамилию жены?» – изумился судья. – Ну точно, все не как у людей!» Но вслух Беликов произнес другое:

– Мне понятны ваши чувства. Но, к сожалению, ваша просьба вне компетенции суда.

Вощинский склонил голову:

– Что же, раз так... Но мне прискорбно сознавать, что убийца будет носить фамилию моей бедной сестры...

– У защитника имеются вопросы к потерпевшему? – повернул судья голову в сторону адвоката Дубровской.

– Да, ваша честь. У меня есть вопросы к потерпевшему, – заявила Елизавета.

Вощинский мигом подобрался, словно заранее ожидая какого-то подвоха. В его глазах промелькнуло легкое беспокойство.

– Вот вы говорили, что счастливые супруги должны быть вылеплены из одного теста, – проговорила она, сверяясь с записями. – А вам известно, кто такая Агата Кристи?

– Агата Кристи? – округлил глаза Вощинский. – Вы имеете в виду английскую писательницу?

– Да, классика детективного жанра, – подтвердила Лиза. – Так вот она в тридцать девять лет вышла замуж за молодого археолога. К слову сказать, ему было всего двадцать шесть. И писательница прожила с ним до глубокой старости. Помнится, она даже шутила: «Как хорошо иметь мужа-археолога – чем старше ты становишься, тем ценнее выглядишь в его глазах». Удивительно, правда?

Вощинский, не мигая, смотрел на Дубровскую.

– Боюсь, я не понимаю вас, – еле слышно проговорил он.

Кстати говоря, лицо прокурора тоже выражало недоумение, только несколько иного свойства. Прыгуновой было неясно, почему судья не делает замечания адвокатессе, у которой от пережитого волнения, должно быть, ум заехал за разум. Но Беликов был озадачен не меньше государственного обвинителя, поэтому позволил защитнику нести ахинею и дальше.

– А Оноре де Бальзак? – вопрошала тем временем Лиза. – Избранница великого французского писателя была на год старше его матери. А Айседора Дункан, которая была старше Есенина на восемнадцать лет?

– Айседора плохо закончила, – проговорил упрямый Вощинский, к которому уже вернулось самообладание.

– Все равно. Они были счастливы. А Сальвадор Дали и его Гала? А Александра Коллонтай, первая женщина-министр в советском правительстве? Она, кстати, стала автором первого кодекса о семье.

– Поборница свободной любви? – запыхтел Вощинский.

– Не в том дело. Мужчины министра были моложе ее на десять-пятнадцать лет, – не смутилась Лиза. – Любви все возрасты покорны!

Беликов выразительно кашлянул.

– Адвокат Дубровская, вы не забыли случайно, где находитесь? Ваши исторические выкладки, безусловно, интересны, но какое отношение они имеют к делу? Мы судим не Сальвадора Дали.

– Мои выкладки имеют к делу самое прямое отношение, – заявила Елизавета. – Потерпевший поставил под сомнение благополучность брака Серебровых, ссылаясь на возрастную разницу супругов. Приведенные мной примеры доказывают, что любовь в такой ситуации возможна. Если вы позволите, я могу предложить тезисы о счастливых семейных союзах, где жена была не только старше, но и намного богаче мужа.

– Благодарю. Но мы, пожалуй, вернемся к делу. Еще вопросы к потерпевшему у вас будут?

– Да. Скажите, пожалуйста, – опять повернулась к Вощинскому Лиза, – подсудимый злоупотреблял спиртным?

Тот замотал головой:

– Ничего такого мне не известно.

– Значит, не пил. Быть может, он имел тягу к наркотикам?

– Инга бы подобного не стерпела!

– Стало быть, и с этой стороны чист. Быть может, он нецензурно выражался или поднимал на жену руку?

– Нет, конечно.

– Тогда что же еще требовалось вашей сестре? – изумилась Дубровская. – Рядом с ней был молодой, красивый мужчина, без вредных привычек. Жить бы ей да радоваться!

– Все равно брак их был неудачным! – упрямо долдонил Вошинский. – Мне ли не знать? Лиза прищурила глаз.

– Откуда же вам знать? Извините, вы по профессии не психолог?

– Нет, я – директор собственной фирмы.

– И чем занимается ваша фирма?

– Заключает договоры на поставку металлоконструкций.

– И вы рассуждаете о женской психологии? Кстати, у вас есть жена?

– Нет. Я никогда не был женат.

– С чем вас и поздравляю! У меня больше нет вопросов.

Беликов почувствовал, что ворот мантии впивается ему в шею. Нет, определенно, выходки юной адвокатессы могли вызвать удушье.

– Объявляется перерыв до завтра, – проговорил судья и быстрой походкой покинул зал.

Все медленно потянулись к выходу. Елизавета застегивала портфель, когда к ней нерешительно подошел судебный пристав.

– Адвокат, а это правда, что вы сегодня говорили?

– О чем? – удивилась Лиза.

– Ну там о Сальвадоре Дали и прочих известных старухах.

Лиза хотела его поправить, но в последний момент передумала.

– Истинная правда, – подтвердила она.

– Я тащусь! – восхищенно произнес пристав и, насвистывая себе под нос, удалился...

Глава 9

Ольга Сергеевна просматривала утренние газеты. Наконец, отодвинув от себя чашку с недопитым кофе, она заявила:

– Я предупреждала, дорогая. У тебя имелась замечательная возможность достойно выйти из этого дела, а теперь полюбуйся – тебя уже пропечатали в разделе судебной хроники!

– Не вижу ничего страшного, – ответила Лиза, уничтожая вторую по счету ватрушку.

Ее свекровь имела дурную привычку обсуждать за едой разные малоприятные вопросы. Как будто нельзя сосредоточиться на восхитительном процессе поглощения домашней пищи. М-м-м... Такие ватрушки в судебном буфете не продавали!

– В самом деле, мама, – встрял в разговор Андрей. – Наоборот, замечательно, что журналисты упоминают о Лизе как об адвокате. В конце концов, профессия у нее, что называется, публичная, и дополнительная реклама Лизе совсем не помешает. Я лично думаю, что хватит ей прозябать в безвестности, пора проталкиваться на адвокатский олимп.

Мадам Мерцалова пожала плечами:

– Ну, если подобное ты считаешь рекламой... – Она провела пальцем по строчкам, отыскивая нужный абзац, наконец нашла и, многозначительно усмехнувшись, зачитала цитату: – «Кто же взял на себя защиту по этому неперспективному делу? Елизавета Дубровская, молодой адвокат, которую просто назначили в процесс, учитывая то обстоятельство, что у подсудимого нет средств на оплату опытного защитника. Впрочем, сама Дубровская, по всей видимости, тяготится принятым на себя поручением. Она не пожелала общаться с прессой. Да и понятно! Чтобы обрисовать перспективы защиты, нужно иметь детальный план действий по делу. По всей видимости, у госпожи Дубровской никакого плана пока нет».

– Автор статьи – просто болван! – воскликнул Андрей. – Мы должны потребовать опровержения. Если адвокат не считает нужным выбалтывать прессе секреты своей защиты, то это вовсе не значит, что их нет вообще!

Лиза неуверенно кивнула головой в знак согласия. Интересно, что бы сказал ее супруг, если она заявила сейчас, что плана-то по ведению дела Сереброва у нее и правда пока нет? Ни тайного, ни вообще какого-нибудь. В деле море улик, говорящих против ее подзащитного, а она до сих пор не имеет ни малейшего представления, каким образом их опровергать.

– Хотя, Лиза, на твоём месте я бы все-таки кинул стервятникам-журналистам пару костей, – продолжал Андрей. – Посмотри на известных адвокатов. Они с удовольствием позируют перед камерами, произносят мудреные речи. И даже когда их клиент получает космический срок лишения свободы, не прячутся от журналистов, а опять что-то умное говорят. И все искренне верят, что причина поражения вовсе не в адвокате, а в несовершенной судебной системе. Вот так, учись!

– А тут еще и фотография есть. – Свекровь передала Лизе газету. – Мне кажется, ты могла бы постараться выйти лучше.

Дубровская взглянула на снимок. Должно быть, фотограф щелкнул ее в тот момент, когда она, проговорив сквозь зубы единственную реплику, устремила от журналистов прочь. Ракурс был выбран неудачно, как-то сбоку, отчего выражение ее лица казалось угрюмым и недовольным.

– Я никогда не получаюсь хорошо на фотографиях, – сказала в свое оправдание Лиза, отодвигая газету в сторону. А вообще-то задумалась: может, разориться и выкупить весь тираж? Или привлечь толстого журналиста и криворукого фотографа к ответственности? Конечно, ни того, ни другого она делать не станет. После драки кулаками не машут!

Но свекровь, перевернув газетный лист, издала протяжный стон:

– О-о... Какой красавчик! Лиза, так ты защищаешь его?

Дубровская вздохнула. Журналисты не пожалели газетных полос для освещения процесса. На следующей странице были опубликованы снимки супругов Серебровых, причем один из них запечатлел Дмитрия в момент награждения его кубком за победу в соревнованиях по бодибилдингу. Совершенное тело, по которому можно было изучать человеческую анатомию, и красивая улыбка киногероя. Из одежды – только трусы, крохотный кусок ткани, подчеркивающий все, что нужно подчеркнуть.

– М-да, Ингу можно понять, – проговорила мадам Мерцалова, жадно рассматривая изображение. – А что, он и в жизни такой?

Лиза усмехнулась:

– Примерно такой. Правда, следственный изолятор – все же не курорт, Серебров немного осунулся, но, впрочем, это его не портит. Теперь его лицо даже кажется одухотворенным.

– Вот как? – ехидно улыбнулась свекровь. – Теперь я понимаю, почему ты отвергла предложение Вошинского. Безусловно, молодой Аполлон даст сто очков вперед нашему старому другу.

– Павел Алексеевич вовсе не стар. Ему едва минуло пятьдесят, – заметил Андрей, рассматривая снимок Аполлона. – Кстати, я звонил ему вчера, хотел справиться о том, как прошел первый судебный день. Он был неразговорчив. Что бы с ним могло такое произойти, Лиза?

Дубровская, вспомнив о допросе с пристрастием, который она устроила Вошинскому, предпочла подробности оставить при себе, ответив невинно:

– Понятия не имею. Должно быть, он просто переволновался. Так бывает.

– Бывает, – согласился Андрей.

– А бывает, что адвокат влюбляется в своего клиента? – задала вопрос Ольга Сергеевна. – С ума сойти! Я-то думала, что все эки волосатые и злобные, с квадратными подбородками и татуировками на груди. Как бы тебя не зацепило, а, Лиза?

– Это исключено! – отрезала Дубровская, вставая со своего места. Ватрушка так и осталась недоеденной...

Глава 10

Мария, горничная Серебровых, была напугана официальностью обстановки во Дворце правосудия и мечтала побыстрее убраться отсюда к своим швабрам и кастрюлям. Судейская мантия, прокурорские погоны и униформа приставов красноречиво свидетельствовали о том, что все здесь происходящее является суровой действительностью и, если относиться к ней легкомысленно, можно запросто оказаться там, где находится сейчас ее молодой хозяин.

– Вы были свидетельницей ссор между супругами? – спросила ее прокурор.

Марии очень хотелось угадать правильный ответ, чтобы случайно не разозлить даму с таким суровым выражением красивого лица. Что сказать? «Была» или «не была»? Она вспомнила, как когда-то, еще при поступлении на работу в дом Серебровых Константин ее инструктировал: «Запомни, если хочешь задержаться здесь надолго: все происходящее между хозяевами тебя касаться не должно. Видишь, что назревает у них ссора, выйди потихонечку да и топай напрямик в бытовку, сиди там, пока буря не уляжется. Не сплетничай, не подглядывай, не лезь с выражением сочувствия. Не то вышибут в два счета. Поэтому не будь дурой!»

Мария с облегчением выдохнула:

– Никак нет. Никаких ссор не видела. Не имею привычки подглядывать за хозяевами. Их дело. Сами разберутся.

Прокурор взглянула на свидетельницу исподлобья:

– Пару минут назад вы давали подписку о том, что будете говорить только правду. Между прочим, вас предупредили об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Мария с ужасом поняла, что верный ответ не угадала.

– Вас допрашивал следователь?

– Да, – тихонько проговорила она.

– Вы ему говорили правду?

– Конечно, как же еще.

– Тогда потрудитесь припомнить ваши показания, – сердито посоветовала прокурор. – Вы что-то говорили о телефонном разговоре между Ингой Серебровой и ее мужем, когда речь шла о разводе. Вспомнили?

– Да-да, – поспешно ответила Мария. Ей было уже все равно, что скажет управляющий по поводу ее излишней осведомленности о делах Серебровых. Наплевать на репутацию. Лишь бы выбраться отсюда побыстрее, а там уж как карта ляжет.

– Я принесла Инге Петровне кофе в кабинет, – начала вспоминать девушка. – Увидев, что хозяйка не в духе да еще и разговаривает по телефону, я собралась уйти, но она дала мне знак остаться.

– С кем же говорила Сереброва?

– Со своим мужем. Я слышала, как она называла его Дмитрием. Инга Петровна сообщила ему, что уже связалась со своим адвокатом по поводу развода. «Мне надоела такая жизнь, – заявила она. – Я скоро выставлю тебя из дома. Можешь заранее узнать о вакансии в своем спортивном клубе. Может быть, они согласятся принять тебя обратно».

– Интересно, а где тогда был сам Серебров?

– Вот уж не знаю. Может, делал массаж или проходил процедуры в салоне красоты. Больше-то он ничем и не занимался!

– Вернемся к телефонному разговору. Что же Серебров?

– Как я поняла, он был очень недоволен, затягивал разговор. Инга была готова положить трубку, а он настаивал на продолжении. Даже угрожал ей.

– Вот как? Угрожал?

– Да. Инга Петровна так и говорила: «Не угрожай мне, я уже все для себя решила. Я не собираюсь ждать, пока ты утопишь меня в моей же собственной ванне».

– Неужели у вашей хозяйки были основания опасаться того, что ее супруг может пойти на крайние меры?

– Значит, были. Поговаривали о том, что однажды он едва не утопил ее, катая на водном мотоцикле.

– Это был несчастный случай?

– Вот уж трудно сказать! Но у хозяйки, видимо, было другое мнение. Она пережила сильнейший стресс и после того случая стала закрываться в ванной, когда у нее возникало желание понежиться в теплой водичке. А был еще случай с Прутиком...

– Кто такой Прутик?

– Любимый пес хозяйки, пудель Прутик. Говорят, собаки очень хорошо чувствуют людей. Так вот Прутик сразу же невзлюбил Дмитрия. И чувство у них было взаимным. Пес звонко облаивал молодого хозяина, не пускал его в спальню, а тот, хотя при жене был вынужден сдерживать свои эмоции, отыгрывался на пуделе по полной программе. Однажды я видела, как он пнул собачонку так, что та с визгом отлетела в сторону.

– Прутик жив сейчас?

Горничная горько вздохнула:

– Если бы! Спустя год после того, как Дмитрий обосновался в доме, Прутик исчез. Инга Петровна была очень расстроена. Вместе с мужем они каждый вечер объезжали район, дали объявления в газеты. Но без толку, Прутик исчез. А следующей весной садовник, перекапывая участок за беседкой, наткнулся на труп собаки. Конечно, прошло время. Тело разложилось, но неплохо сохранился ошейник с гравировкой на пластине.

– И какое отношение происшествие имело к Дмитрию Сереброву?

– Как оказалось, самое прямое. Именно у него был мотив избавиться от собаки. Вся прислуга просто обожала пса. А еще дворник вспомнил, что в один осенний вечер видел Дмитрия с лопатой в руках. И был безмерно удивлен, потому что хозяин утруждал себя разве что подъемом гантелей. Тогда Дмитрий наплел садовнику, будто копал червей для рыбалки.

– А он что, увлекался рыбной ловлей?

– Да нет, у него даже удочек не было! Конечно, тогда дворник ничего никому не сказал и молчал до того времени, пока не нашли труп Прутика.

– Как хозяйка отнеслась к инциденту?

– Ох, да что тут и говорить! Инга Петровна была женщина суровая, быстрая на принятие решений. Она провела целое следствие, но Дмитрию удалось отвертеться.

– Как же?

– Он сказал, что обнаружил Прутика мертвым и, зная о том, как расстроится жена, решил скрыть правду. Чепуха, конечно. Но не пойман – не вор. Дело так и оставили, но мне кажется, хозяйка стала относиться к мужу настороженно. Да и понятно – кому хочется держать в своем доме убийцу...

– Мария, – начала свой допрос Дубровская. – Вы обещали говорить суду правду, только почему-то относитесь к своим словам легкомысленно.

«Час от часу не легче! – всполошилась бедная горничная. – Они сегодня сговорились, что ли? То одной угодить не могла, теперь другая с угрозами лезет. Господи, что ей надо-то?»

Неожиданно на помощь девушке пришел судья:

– Адвокат, давайте без долгих предисловий. Все мы видели, как свидетельница давала подписку. Так что сообщайте прямо, что вас не устраивает в ее показаниях.

– Охотно, ваша честь, – отозвалась Елизавета. – Вот вы, Мария, говорили нам о том, что слышали, как подсудимый угрожал вашей хозяйке.

- Я и сейчас могу подтвердить.
- Говорили, что он умышленно затягивал разговор.
- Точно, было.
- Но ведь этого не было!
- Я там была и все видела! – с азартом подтвердила горничная, подумав про себя: «Интересно, почему все пытаются уличить меня во лжи? Я же так стараюсь им угодить!»
- Вы наблюдали за тем, как беседовали супруги?
- Ну, не наблюдала, конечно. Разговор-то был по телефону! Просто все слышала.
- Гм, интересно... У вашей хозяйки была привычка, разговаривая по телефону, включать громкую связь?
- Нет, конечно.
- Тогда как вы могли слышать то, что говорил Дмитрий? Вы ведь слышали лишь слова Инги Петровны. Разве не так?
- Горничная задумалась, сбита с толку, но потом все же вынуждена была признать правоту адвоката.
- Вообще-то так. Говорила только хозяйка, а по ее словам я догадывалась, что отвечал Дмитрий Александрович.
- Спасибо, так я и думала, – поблагодарила ее Дубровская. – Значит, может статься, никакого разговора о разводе не было вообще.
- Как не было? – открыла рот изумленная горничная.
- Лиза пожала плечами:
- Очень просто. Может быть, хозяйка беседовала сама с собой. Знаете, некоторые так делают для того, чтобы создать видимость разговора.
- Беликов хлопнул по столу молоточком.
- Адвокат, не забывайте о том, что вы ведете допрос, а не сообщаете суду свои жизненные наблюдения.
- Извините, ваша честь. Я продолжу. Итак, что касается несчастного Прутика... На чем основано ваше утверждение, будто Дмитрий убил собаку?
- Я же говорила, – укоризненно произнесла Мария, подозревая, что вздорная адвокатесса слушала ее через слово. – Говорила про то, что он не любил пса. Говорила про лопату и червей. Да в конце концов он и сам признался, что похоронил собачонку!
- Вот именно – похоронил. Но не убил же! Дмитрий, как любящий муж, стремится оградить жену от сильного потрясения. В подобном случае все средства хороши. Даже ложь!
- Я бы так не сказала, – нахмурилась горничная. – Видели бы вы, как ловко он разыгрывал сострадание. Сколько времени он проводил рядом с хозяйкой, отыскивая Прутика по канавам и подворотням. Видели бы вы, с каким сочувствием он сжимал руки Инги Петровны и обещал, что пес обязательно найдется. – Мария угрюмо взглянула на адвоката и с необычной горячностью заявила: – Одно скажу вам – если человек так умеет обманывать, то ждать от него добра не приходится. Он как оборотень!
- «Оборотень в обличье Аполлона», – мелькнула в голове у Лизы нечаянная мысль. Вопросов у нее больше не было...

Напарник Дмитрия из спортивного клуба выглядел так, как подобает атлету. Свидетельская трибуна, казалось, вот-вот треснет и разлетится в стороны под напором груды мышц. Но в нем не было той гармонии, которая была присуща Сереброву. И вообще, Владимир, так его звали, казался карикатурным персонажем, напоминающим злобную гориллу: тот же низкий лоб, маленькие колючие глазки и руки, густо поросшие темными волосами.

– Так вы говорите, что еще до брака с Ингой Серебровой у подсудимого были связи с клиентками клуба? – спросила прокурор. В ее вопросе, выдержанном в сухой, официальной форме, все же чувствовалось женское любопытство.

– Возражаю, ваша честь! – поспешила вклиниться Дубровская. – Вопрос не имеет отношения к делу. Какой смысл обсуждать сейчас любовные похождения моего клиента? Смею напомнить, он был не женат, стало быть, свободен от всяких обязательств.

– Обвинение готово ответить на возражение защиты?

– Конечно, ваша честь! – живо откликнулась прокурор. – Речь идет о характеристике личности подсудимого. Обосновывая корыстный мотив преступных действий Сереброва, обвинение пытается доказать, что еще до встречи с потерпевшей подсудимый методично подбирал себе обеспеченных женщин и беззастенчиво пользовался их деньгами. Брак его с Ингой Петровной Серебровой был для него лишь ступенькой к завладению богатством.

– Хорошо. Продолжайте допрос, – кивнул Беликов. – А вам, защита, напоминаю, что данные о личности подсудимого все же имеют для суда значение в отличие от любовных экзерсисов господина Сальвадора Дали.

Прыгунова облегченно вздохнула.

– Итак, свидетель, мы начали говорить об интрижках подсудимого, – продолжила она. – Продолжите свою мысль...

– Димка вообще-то был не промах, – охотно начал делиться своими воспоминаниями Владимир. – Дамочек окручивал так ловко, словно бутылки с шампанским открывал. Заманивал вроде как индивидуальными тренировками в зале, а заканчивалось все одним: частными занятиями на дому. В администрации клуба все об этом знали, но, поскольку клиентки были довольны, шума поднимать не хотели.

– Как произошла его встреча с Ингой Петровной?

– Да как обычно бывает. Пришла женщина в клуб, выбрала себе смазливого тренера, и понеслось! Индивидуальные тренировки, пробежки в парке, дальше кино, рестораны...

– А подсудимый тогда имел представление о том, насколько Сереброва богата?

– Еще бы! Сначала я ему информацию подкинул. Мол, гляди, каких людей обслуживаем. Сереброва и вправду была звездой. Интервью по ящику, модные тусовки, общение с иностранными партнерами – в общем, не женщина, а ходячий раздел светской хроники. Димка-то быстро спохватился. Вооружился информацией в Интернете и ринулся на абордаж. Она сдавалась без боя. Понятное дело, дамочка в возрасте, кто на такую позарится!

– Как скоро последовало предложение руки и сердца?

– Этак через месяц после знакомства, – доложил Владимир. – Только Димка-то и не делал никакого предложения.

– Как так? – изобразила удивление прокурор.

– А вот так! Сереброва сама ему предложение сделала и на свои деньги в свадебное путешествие свозила.

– О времена, о нравы! – патетически воскликнула Прыгунова. – И что, после свадьбы Серебров вернулся на работу?

Свидетель махнул рукой.

– Где там! Объявился у нас разок разодетый, как петух на ярмарке. Небрежно бросил на подоконник ключи от новенькой машины, часок покачался на тренажерах, посидел в баре и был таков!

– Он вам что-нибудь рассказывал про свою новую жизнь?

– А то как же! – обрадовался возможности посплетничать Владимир. – Только в его рассказах о жене и слова не было. Он говорил о новой машине, о роскошном доме, о будущем бизнесе. Я узнал, что у него теперь есть личная маникюрша, а за его питанием следит специально нанятый диетолог.

- Что еще говорил Серебров?
- О том говорил, что если его старуха вдруг умрет, то все ее огромное состояние перейдет к нему.
- Как так умрет? Неужели Инга Петровна была неизлечимо больна или пребывала в столь преклонном возрасте? – картинно изумилась прокурор.
- Ну уж молодой-то она точно не была! – с ехидцей заметил свидетель. – Но здоровехонька, как мы с вами, вот что странно. Димка, помню, добавил: «Все мы под богом ходим». Известное выражение, с ним не поспоришь.
- Да, но в свете расследуемых событий оно приобретает какой-то зловещий смысл. Ваша честь, – повернулась Прыгунова к судье, – позвольте вопрос подсудимому?
- Пожалуйста, – разрешил Беликов. – Серебров, встаньте!
- Вы говорили такую фразу свидетелю?
- Да было все по-другому! – с горячностью воскликнул Дмитрий. – Ведь мы говорили в шутку. Вспомни, Володя, мы же смеялись.
- Но все же такие слова из ваших уст прозвучали? – уточнила прокурор.
- Прозвучали, но я...
- Довольно, у меня нет вопросов!
- Напомните суду ваше семейное положение, – попросила Дубровская Владимира.
- Я холост.
- Отлично. Вы сами-то не встречаетесь с женщинами?
- Атлет выпучил глаза.
- Я вам что, евнух? Конечно, встречаюсь!
- А какой должна быть женщина, чтобы вам понравиться?
- Владимир задумался и начал почесывать ухо, причем таким образом, что сходство парня с гориллой стало еще заметнее.
- Ну, молодая, красивая. И там чтоб все при ней. Конечно, неплохо, чтобы она выросла в благополучной семье...
- Достаточно. Скажите, что вы понимаете под понятием «благополучная семья»? Папа – инженер, мама – лаборант? Тихие семейные вечера, чтение вслух?
- Владимир скривился.
- Зачем же такие крайности? Благополучная семья может быть совершенно другой.
- А! Вы имеете в виду благополучие материального плана, – догадалась Елизавета. – Уютный особняк в пригороде, каникулы на Средиземном море... Так?
- Примерно так.
- А сыграло бы роль, если бы ваша избранница, при прочих оговоренных вами условиях, была немного старше вас?
- Немного это сколько? – подозрительно спросил свидетель.
- Ну, лет на пять, скажем.
- Атлет сморщился.
- Многовато. Вообще-то я предпочитаю девушек моложе. Но если она еще ничего себе, то, пожалуй, можно было бы и попробовать.
- Правильно! Вот и семейные психологи говорят, плюс-минус пять лет – ничего страшного. Люди относятся к одному поколению, – одобрила его решение Дубровская. – Но предположим невесту чуть постарше. Лет на десять!
- Ну, и переходы у вас, адвокат! Десять лет... Нет, я не согласен. Это уже чересчур.
- Но вы забыли, – напомнила ему Лиза, – про то, что невеста живет в тихом пригороде, в собственном доме. Дышит экологически свежим воздухом, а низкокалорийную пищу ей готовит собственный повар. Прекрасный парк, личный бассейн, массаж по утрам...

– Хм, может, тогда десять лет и не особо скажутся на ее внешности, – с сомнением в голосе произнес Володя. – А вы как думаете?

– Думаю, что она может оказаться красавицей.

– Да? Тогда в принципе можно было бы...

– Хорошо. Девушка повзрослела, и ей уже сорок три.

– Сорок три? – нервно воскликнул свидетель. – Ну вы даете! Нет-нет, ни за какие коврижки. Что же тогда получается, мне двадцать девять, а она уже пятый десяток разменяла?

– Но вы забываете про чудеса пластической хирургии! – змеей-искусительницей подобралась к нему адвокатесса. – Она выглядит лет на... двадцать пять. Катается на «Бентли» и может себе позволить выходные где-нибудь на островах в океане...

Лицо свидетеля приняло страдальческое выражение.

– Ну, я не знаю. Конечно, сорок три звучит не так страшно, как пятьдесят. И если вы не будете дальше увеличивать ее возраст, я, пожалуй, согласен обдумать такой вариант. В конце концов...

– Я не буду увеличивать возраст, – с кроткой улыбкой пообещала Дубровская. – Ведь Инге Серебровой было именно сорок три года. Значит, не стоит называть ее старухой. Как, впрочем, не следует осуждать других за поступки, которые вы повторили бы и сами, сложись подобная ситуация в вашей жизни.

– Благодарю, адвокат, – нарушил наконец молчание судья. – Думаю, свидетель учтет ваши пожелания. Но я буду крайне вам признателен, если вы мне сообщите, какой смысл для рассмотрения нашего уголовного дела имела ваша небольшая словесная потасовка?

– Ваша честь! Свидетель испытывает к подсудимому неприязнь, что и сказывается на тех показаниях, которые он дает суду.

– Неприязнь? – воскликнул Владимир. – С чего бы мне испытывать к Димке неприязнь? Дубровская достала из папки лист бумаги.

– У меня в руках расписание тренерской нагрузки на тот период, когда в спортивном клубе еще работал подсудимый. Нетрудно заметить, что львиную долю индивидуальных занятий проводил именно он. Клиенты предпочитали тренироваться под его руководством. Разумеется, такое положение не могло понравиться свидетелю. Он ведь терял в заработке! И это помимо неудовлетворенных личных амбиций...

Владимир хмыкнул.

– Я вам уже говорил, как Димка заманивал дамочек на тренировки. Конечно, мне было за ним не угнаться, ведь я за честные отношения!

Дубровская равнодушно пожала плечами:

– Ознакомьтесь с расписанием. Пятьдесят процентов клиентов Дмитрия – мужчины. Надеюсь, вы не станете утверждать, что у него еще и нетрадиционная сексуальная ориентация?

Атлет недовольно молчал...

Глава 11

– Гляди-ка, друг! – суетился возле Дмитрия Потапов. – Гляди, что мне принесли!

Проделав замысловатые пассы руками – примерно такие, какие обычно делает фокусник, – он развернул хлопчатобумажное полотенце. Оттуда пахло чем-то невероятно домашним и вкусным.

– Пирог! – оповестил Потапов с такой радостью, словно перед ним сейчас лежала не сдоба, а постановление судьи об освобождении из-под стражи. – Один с картошкой, другой с рыбой и рисом. Вкусные, обалдеть! Представляешь, их еще горячими принесли.

Серебров усмехнулся:

– Поздравляю! Кто же тебе такую передачу принес?

У сокамерника сделался озадаченный вид.

– Сказали, женщина. Мать, наверное. Да какая разница! Бери, лопай. Любишь ты вопросы задавать!

Дмитрий пожал плечами. Конечно, отказываться от угощения он не стал. Заключение нечасто баловали домашними разносолами. Если сказать откровенно, то никаких пирогов и ватрушек в передачах не допускали. Существовал официально утвержденный перечень продуктов, который каждый родственник заключенного знал назубок. Холодильника в камере не было, поэтому скоропортящиеся продукты были запрещены. Но, как известно, для невозможного нужно всего лишь больше денег. Если в камеру принесли пироги, да еще и поторопились передать их горячими, значит, чья-то заботливая рука вручила работнику изолятора приятное количество хрустящих купюр. Только вот мать Потапова вряд ли способна на такие траты. Она была простая деревенская женщина. Приехав раз в месяц на свидание к сыну, отстаивала гигантскую очередь и передавала традиционные лук, сало, дешевые сигареты, да и отбивала восвояси. Но Потапов сейчас меньше всего был расположен разгадывать ребусы и просто уплетал за обе щеки пироги, довольно жмурясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.